

СТАЛКЕР

Андрей Буторин

[ЗОНА СЕВЕРА]
ДВУЕДИНЫМ

Апокалипсис-СТ

Андрей Буторин

Зона Севера. Двухединый

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буторин А.

Зона Севера. Двуетидный / А. Буторин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-157681-3

По пути к Белому морю в город Канталахти участники группировки «Сталкер» вынуждены сделать остановку, которая в корне меняет их планы. Они убеждаются, что Помутнение затронуло не только Мончетундровск с окрестностями: здесь, в диких заполярных лесах, также имеются его порождения – как в образе злобных отвратительных тварей, так и в виде неведомых ранее okazji-аномалий. Похоже, одна из них и стала причиной катастрофы канталахтинского дирижабля, который предстоит теперь отыскать сталкерам. А еще там, на заброшенном шоссе, в группировке неожиданно становится на одного сталкера больше. Точнее, на сталкершу, хотя сама она таких слов даже не слышала. И это далеко не последнее изменение состава за время произошедших далее событий. Во главе же группировки стоят теперь сразу два человека – Лом и Капон, волею судеб, а точнее, все того же Помутнения, сделавшихся двуетидным Ломоном. И ему, двуетидному, придется решать такие задачи, которые не могли и присниться двум его ипостасям в самых фантастических снах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157681-3

© Буторин А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Буторин Зона Севера. Двуетидный

*Он не двойник и не второе «я» —
Все объяснения выглядят дурачки —
Он плоть и кровь, дурная кровь моя,
Такое не приснится и Стругацким.*

В. С. Высоцкий

СТАЛКЕР

Серия «Сталкер» основана в 2012 году

© Буторин А., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Эти края не видели подобного уже восемь десятков лет, с тех пор как Кольский полуостров оказался отрезанным от прочих губерний Российской империи, да и вообще от остального мира последствиями странной, никем не объявленной войны, оставившей после себя зараженные сперва радиацией, а затем еще более жутким Помутнением территории. Тем не менее сейчас по растрескавшемуся, заросшему травой и кустарником шоссе, соединявшему некогда со столичным Санкт-Петербургом кольскую столицу Романов-на-Мурмане¹, двигался, деловито урча мотором и лязгая гусеничными траками, геологоразведочный некогда вездеход модели «Простор».

Он только что покинул Мончетундровск² и катил теперь к расположенному на юго-западе полуострова городу Канталахти³. Вот только ехали в нем никакие не геологи. Сидящий за рычагами управления Василий Сидоров по прозвищу Васюта с подачи его земляка Капона сравнивал себя и своих приятелей со сталкерами из книг и компьютерных игр, тем более что это соответствовало теперь их роду занятий почти стопроцентно. Мало того, они и свою небольшую группировку незатейливо назвали именно этим словом – «Сталкер». Правда, сидевший рядом с Васютой в кабине двадцатитрехлетний Подуха примкнул к группировке только что, да и то временно, но, по сути, прибегая к тому же сравнению, также являлся сталкером, поскольку в Помутнении – названном тем же Капоном Зоной Севера – сталкерами так или иначе были все.

Васюта, будучи старше своего «второго пилота» почти на десять лет, имел также и другую, чем у того, цель. Нет, достичь Канталахти хотели они оба, вот только потом Подуха собирался вымолить у канталахтинцев прощение за возникшее недоразумение, из-за которого дирижабль из этого города целых три месяца не будет прилетать в Мончетундровск, привозя в обмен на гостинцы – так здесь называли артефакты Помутнения – еду, одежду, патроны, лекарства... Васюте же было важным найти в Канталахти мощный аккумулятор, который мог бы запитать в секретном бункере устройство, открывающее портал в его родной мир, где на месте Мончетундровска стоял привычный, милый его сердцу Мончегорск.

Ехал в пассажирском отсеке и пристегнутый к сиденью кибер Зан – обесточенный, а потому бессознательный, поскольку истратил последнюю энергию блока питания на то, чтобы завести мотор вездехода. Собственно, именно Зан и был главным виновником как того, что в этом мире оказались два человека и собака из другой реальности, так и того, что улетели на дирижабле к себе, введя для жителей Мончетундровска трехмесячные санкции, канталахтинцы. Если подумать, без него вовсе не случилась бы вся эта история. А копнуть глубже – то не конкретно без него даже, а без пославших кибера на задание его непосредственных хозяев из губернского отделения Секретного отдела департамента государственной полиции – СОД... Но содовцы далеко, а обездвиженное тело также ставшего теперь сталкером Зана – вот оно, трясется на металлической лавке «Простора».

Ну а что же земляк и приятель Васюты Андрей Кожухов с позывным Капон, который также не по своей воле прибыл в этот мир из Мончегорска? Он ведь тоже, наверное, хотел вернуться домой и ехал сейчас ради этого в Канталахти? Конечно, хотел. И разумеется, ехал. Вот только не один. Точнее, не только он... В общем, как бы это странно и нелепо ни звучало, но в сидящем рядом с Заном на жесткой лавке пассажирского отсека тридцатидвухлетнем мужском теле находились сейчас сразу два Андрея Кожухова – программист из Мончегорска с позыв-

¹ В нашей реальности – название города Мурманска до 1917 года; в реальности Помутнения – и по сей день. – *Здесь и далее прим. автора.*

² В нашей реальности – город Мончегорск.

³ В нашей реальности – город Кандалакша.

ным Капон и взломщик из Романова-на-Мурмане по прозвищу Лом. Капон мечтал спасти улетевшего на дирижабле с канталахтинцами мохнатого четвероногого друга Медка, обретшего в этом мире разум, а еще, как и Васюта, хотел найти способ вернуться домой. Лом же возвращаться к себе в Романов не хотел, поскольку там его ничего хорошего не ждало – светило многолетнее лишение свободы, а скорее, и кое-что похуже. Семьи у него не было, родители давно умерли... Впрочем, он хотел теперь того же, что и Капон, – чтобы тот вернулся домой, чтобы нашелся Медок. Да и как не хотеть одного и того же, если Ломон – сокращенно от Лом и Капон – был теперь двуетидным?

Глава 1

Не отъехали от Мончетундровска и двадцати верст⁴, только пересекли по уцелевшему мосту неширокую и быструю реку Вите, как вездеход остановился. Двуетидный Ломон тут же бросился к разделяющей пассажирский и водительский отсеки перегородке, открыл в ней небольшое овальное окошко и закричал Васюте:

– Не вздумай глушить мотор! Аккумулятор еще не зарядился! Застрянем тут, как... – потом сам же себя оборвал и негодуяше выпалил: – Какого хрена ты вообще встал?! Водички из речки решил попить?!

– Да вон, – виновато кивнул Васюта на пустующее соседнее кресло, – нашему новому попутчику плохо стало. Он ведь первый раз в жизни транспортом пользуется, да еще и по такой дороге – сразу и укачало, ясен пень. Вот он свои яркие впечатления и выплеснул. И все на себя. Ну и дверцу вон немного испачкал. Пришлось остановиться, чтобы в речке помылся-почистился, а то ведь и я, глядя на это, недолго продержусь. В том смысле, что тоже...

– Ладно, хорош! – отмахнулся, поморщившись, Ломон. – Понял я. Только такие остановки нам всем могут плохо сделать. Так плохо, что хуже некуда, веришь? Заглохнет двигатель – и кукареку. Мало того что план наш сорвется, так еще и пехом придется назад топать. И Зану тогда кирдык – зарядить его будет уже негде, даже если на себе его в Мончетундровск дотащим.

– Да я все понимаю, – замотал головой Васюта, – но что делать-то было?..

– Что делать, что делать!.. – проворчал двуетидный сталкер, понимая, что приятель, конечно же, прав. Но тут же и нашел выход: – Ты вот что... Возьми в багажном отсеке ведро – то, которым соляру наливали, – и дай этому тошнотику. Пусть, если снова приспичит, в него блюет, а вездеход ради такого больше не останавливай.

– Ага! – хохотнул вдруг новоиспеченный водитель. – Точно, ведро в самый раз для этого.

– А ты чего ржешь? – насупился Ломон. – Что-то я пока ничего смешного не вижу.

– Сейчас увидишь! – обрадовался Васюта. – То есть услышишь. Просто у меня как раз стишок на эту тему есть...

– Кто бы сомневался, – буркнул двуетидный. – Только не до стихов сейчас так-то, веришь?

– Не-не, этот и правда в самый раз! – замахал руками неумный поэт. – Да и он же короткий, стих-то!

И не дожидаясь новых возражений, Васюта с чувством продекламировал:

Папа, шутя с продавщицей игриво,
Не посмотрел на срок годности пива...
Не выливать же такое добро!
Папа три дня обнимает ведро⁵.

– У нас оно единственное, – даже не улыгнувшись, сказал Ломон, – так что крепче обнимайте, не проблюйте.

– Да что с ним будет, оно ведь железное, – сказал Васюта и стал выбираться из кабины. – Сейчас принесу.

– И давайте там пошустрее, нам еще часа четыре ехать, я не хочу в лесу ночевать.

⁴ Верста – дореволюционная мера длины в России, приблизительно 1,07 км.

⁵ Здесь и далее – стихи автора.

* * *

Ломон снова уселся на жесткую лавку, поерзал, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза, прислонившись спиной к стене кузова. Поспать бы – но сейчас опять так трясти начнет, что какие там сны, не свалиться бы на пол! Невольно позавидуешь надежно зафиксированному ремнями обесточенному Зану.

Но не удалось и просто насладиться хотя бы временным покоем.

– Капон! – душераздирающе завопил снаружи лязгнувший крышкой багажного отсека Васюта. – То есть Ломон! Иди сюда скорей! Тут вон... тут эта...

– Какая еще эта? – заворчал под нос двуетидный сталкер. – Мышь он там, что ли, увидел?..

Но все-таки поднялся с сиденья и направился к выходу – не надрывать же ором горло, проще выйти посмотреть, что там у этого стихоплета случилось.

А когда спрыгнул со ступеньки на землю и шагнул за вездеход к открытому багажному отсеку, сам чуть не завопил – оттуда выбирался одетый в черные штаны и куртку человек. Ломону сразу бросился в глаза «Никель»⁶ за его спиной, и сталкер машинально сжал рукоять своего, который заранее предусмотрительно повесил на грудь.

– Руки за голову! – тут же выкрикнул он. – Стоять, не двигаться!

– Сейчас я сама кому-то двину, – встал ногами на землю и выпрямился человек, оказавшийся... шатенкой Олюшкой из группировки «ОСА»⁷. – А ну, опусти автомат!

Свой она, впрочем, доставать из-за спины не стала, демонстрируя то ли безмерную храбрость, то ли привычную самоуверенность. И Ломон поймал себя на том, что невольно ею любуется. Олюшка была среднего роста шатенкой с хорошей фигурой и весьма симпатичным, но главное, кажущимся чрезвычайно умным лицом. Впрочем, эта молодая, едва ли старше тридцати лет девушка наверняка и впрямь была умной, ведь, как помнил Ломон, она обожала читать и даже готова была менять на книги еду и прочие полезные вещи. Что еще интересно, если Лому при первой встрече с группировкой «ОСА» внешне больше понравилась Анюта, а Капону как раз Олюшка, то Ломон сейчас не мог определиться, кому бы из них он отдал предпочтение. Во всяком случае, глядя на Олюшку теперь, он никаких особых чувств не испытывал. Кроме разве что чувства досады от неожиданно возникшей помехи.

– Вы что там делали? – мотнул он подбородком на открытый багажный отсек.

– Для начала «выкатать» мне не надо, я тебе не старуха, – процедила осица (так договорились между собой сталкеры называть девиц из этой группировки). – А еще – допрашивать меня тебе никто не позволял. Это ты мне скажи: где мы сейчас и какого хрена вы сюда приперлись?

– Ну, ты даешь! – невольно вырвалось у Ломона. – Втихаря забралась в наш вездеход, а теперь недовольна, что мы тебя куда-то не туда привезли. Это тебе не такси. Веришь?

– Сейчас ты поверишь, что свинец куда крепче твоего лба, – перебросила наконец «Никель» на грудь Олюшка и навела ствол на сталкера.

Почему-то такого же автомата в его руках она ничуть не боялась. Или делала вид, что не боится. А скорее всего на самом деле настолько привыкла к тому, что «ОСА» для всех неприкосновенна, что даже не сомневалась в своей безопасности. И в чем-то была, пожалуй, права. Потому что Ломон понимал: выстрелить он в осицу не сможет. Не из-за страха и уж тем более какого-то там раболепного преклонения, а вот просто не сможет – и все.

Смогла ли бы это сделать Олюшка по отношению к нему, выяснить не удалось. Неслышно пришедший от реки Подуха, которого осица до этого так и не увидела, поднял за цевье свою

⁶ «Никель» – оружие реальности Помутнения, короткоствольный автомат.

⁷ «ОСА» – бандитская группировка Мончегундровска, состоящая из трех молодых женщин и названная по первым буквам их имен – Олюшка, Светуля и Анюта.

«Печенгу»⁸ и опустил ее приклад на коротко стриженную женскую голову. Осица удивленно вздернула брови, закатила глаза и медленно осела перед двуетидным сталкером сначала на колени, а потом рухнула ничком, уткнувшись лицом в носки его сапог.

– Ты же ее убил! – воскликнул Васюта.

– Не, я неженечко, – улыбунулся трубуник, – легохонечко. Пять минут – и очухается.

– Ну, тогда давайте-ка ее свяжем, пока не очухалась, – сказал Ломон.

– Зачем? – удивился Подуха. – Вон туда на травку положим, чтобы мягче было, а сами дальше поедем.

– Так не пойдет, – нахмурился двуетидный. – До Мончетундровска уже чересчур далеко, чтобы дойти туда живой-невредимой, учитывая Помутнение с его подарками.

– А мы тут при чем? – развел руками трубуник. – Она сама к нам залезла, а теперь еще и шлепнуть тебя собиралась.

– Сбиралась или нет – мы наверняка не знаем, – мотнул головой Ломон. – И зачем она к нам залезла – не знаем тоже... Да и какая разница! – начал он злиться. – Я на верную смерть человека не оставляю. Тем более места в вездеходе хватит. Так что, Подуха, забери у нее автомат, а ты, Васюта, найди в багажнике веревку, я ей на первое время руки и ноги свяжу.

– Тогда ей придется все рассказать, – негромко, будто размышляя вслух, произнес Васюта.

– То есть ты тоже за то, чтобы ее на травке умирать оставить? – недобро зыркнул Ломон на приятеля.

– Нет-нет, что ты! – прижал тот к груди руки. – Она красивая. Не такая, как Светуля, конечно, но...

– То есть была бы некрасивой – пусть умирает?..

– Ясен пень, нет! – возмущенно взвился Васюта. – Она ведь еще и книги читает!

* * *

В итоге Васюта все же нашел веревку, и Ломон принялся связывать бесчувственной Олюшке руки и ноги – не сильно, для того лишь, чтобы сразу, как очнется, не бросилась драться и совершать иные необдуманные поступки. Он все же надеялся, что с осической удастся найти общий язык и прийти к какой-то разумной договоренности, – ведь и впрямь, если книги любит читать, не должна быть полной дурой.

В любом случае возвращаться из-за нее в Мончетундровск Ломон не собирался, ей оставалось либо и в самом деле топтать назад двадцать верст пехом, что было равносильно самоубийству, либо ехать с ними в Канталахти. Но в этом случае, конечно же, имелись некоторые нюансы, один из которых уже и озвучил Васюта, стоявший сейчас рядом и наблюдавший за действиями двуетидного сталкера. И Ломон сказал:

– Рассказать ей, конечно, кое-что придется. Во всяком случае, то, что из-за нас улетел дирижабль, поэтому мы и едем теперь замаливать грех и просить канталахтинцев восстановить отношения с жителями Мончетундровска. Ну и то, что нашего пса нужно спасти.

– А будем говорить о том, что мы еще хотим найти там ак...

– Акваланг? – перебив болтуна, пронзил его свирепым взглядом Ломон. Ведь Подуха, который также стоял неподалеку и слышал их разговор, ничего не знал про их глобальную проблему, для решения которой требовался мощный аккумулятор. И трубуник, конечно же, насторожился:

– Какой еще акваланг?

⁸ «Печенга» – оружие реальности Помутнения, штурмовая винтовка.

– Да вот, – выдавил кривую улыбку двуетидный, – Васюта всю жизнь мечтал с аквалангом понырять, а Канталахти же на берегу залива Белого моря стоит, наверняка там имеются акваланги.

– Дурацкая какая-то мечта, – фыркнул Подуха.

– У тебя, конечно же, есть поумене! – обиженно выдал Васюта, виновато при этом глянув на Ломона, осознав свою промашку.

– Конечно, есть, – кивнул трубник. – Только о мечтах нельзя рассказывать, иначе не сбудутся. Мне так батя говорил, а он умный был. И ему всегда везло, что бы ни задумал, – а все потому, что он про это языком не трепал. У него и прозвище было – Везун.

– А почему «был», «было»? – спросил Ломон. – Где твой батя теперь?

– В оказию⁹ попал, – вздохнул Подуха. – Никто так и не понял, в какую именно. Просто зашел за угол дома – и все... Те, кто за ним следом шагали, туда же повернули – а там никого. Только батина «Печенга» валяется, запасной магазин с патронами и пряжка от ремня. В общем, все металлическое, что у бати с собой было. Никто до этого, да и после тоже, в такую оказию не попадал. Ее так и назвали в батину честь – «везуниха».

– Выходит, и тут ему повезло, – без доли шутки в голосе негромко сказал Васюта.

– Выходит, да, – согласился Подуха.

– Ладно, хватит лирики, – прервал воспоминания трубника Ломон. – Твой батя, судя по всему, был дельным мужиком, нам это тоже не помешает. Поэтому сейчас двинем дальше, но пока мы стоим возле реки, не мешает наполнить водой все имеющиеся емкости, по крайней мере личные фляги. Водомет у нас заряжен? – посмотрел он на Васюту.

– Ясен пень, – кивнул тот, – полнехонек. Но сейчас он нам вряд ли пригодится, ведь «розовый туман» с «мозгоедами» в Мончегорске... ну, в Мончетундровске, в смысле, остался.

– Это тебе «мозгоеды» сами сказали? – прищурился двуетидный.

– Нет, но... – завертел головой Васюта. – Здесь-то им что делать, если людей нет?

– Мы понятия не имеем, связаны ли проявления Помутнения, или Зоны Севера, как мы решили его называть, с наличием или отсутствием людей. Как по мне – не связаны. Но в любом случае лучше быть готовыми к тому, что они есть повсюду. Целее будем. Веришь?

– Хочешь мира – готовься к войне, – закивал Подуха.

– Ого, – удивился Ломон, – афоризмами увлекаешься?

– А ты меня что, заставлял когда за этим?! – возмутился покрасневший как рак трубник. – Сам небось увлекаешься, вот и...

– Тихо! – вскинул руку двуетидный сталкер. – Никто ничего не чувствует?

Все трое замерли и насторожились. Первым подал голос Васюта:

– Вроде как давление повышается – уши закладывает, и голова начинает болеть. Или это только у меня?

– У меня тоже, – почему-то шепотом отозвался Подуха. – Голова так прям сильно... Это что? К перемене погоды?..

– Не думаю, – процедил Ломон, у которого тоже заложило уши и заболела голова, причем с каждым мгновением сильнее и сильнее.

Вскоре двуетидному сталкеру сделалось так больно и плохо, что потемнело в глазах и стали подгибаться колени – того и гляди рухнет. А еще... Нет, это был не голос, поскольку никаких слов не звучало – ни в заложенных ушах, ни внутри разламывающейся головы, – но Ломон без всяких сомнений осознавал, что некто, а еще точнее, нечто обращается именно к нему. И суть этого обращения сводилась к тому, что если он принесет кого-то из своих спутников в жертву, то боль немедленно прекратится.

⁹ Оказиями в реальности Помутнения называют аномалии.

«Я что, убить кого-то должен?» – невольно вспыхнула уже его, Ломона, мысль. И ответ тут же последовал. Все так же без слов, но определенный и недвусмысленный: никого убивать не нужно, достаточно просто подумать, что жертвой будет вон тот человек. Проблема лишь в том, что здесь сейчас их четверо, а нужно, чтобы одну и ту же жертву выбрало большинство. Но есть в данной ситуации и удачное обстоятельство: один человек находится без сознания, поэтому трое других легко могут назначить жертвой именно его.

– Отдади-им ему Олю-ушку-у!!! – взвыл, сжимая руками голову, Васюта.

– Да! – также схватившись за голову, закачался от боли Подуха. – Ее не жалко! А то мы все умрем!

Уже изрядно помутившимся сознанием Ломон представил, как некая потусторонняя сила сжимает девушку невидимым кулаком, выдавливая из нее кровь и внутренности, превращая красивое тело в бесформенную грязную тряпку, и его вдруг охватила такая ярость, что даже слегка отпустила боль.

– В кабину!!! – взревел он. – Оба!!! Уезжаем отсюда! Иначе сдохнете от моих рук!

Подуха свалился вдруг, не выдержав, видимо, боли. Ломон будто сквозь воду с трудом добрал до него и, наклонившись, приподнял за подмышки, намереваясь затащить в пассажирский отсек вездехода.

– Ломо-он, ну дава-ай ее отдади-им!.. – вновь, уже явно из последних сил, начал жалобно выть Васюта, но двуетидный, держась уже теперь только на злости, просипел:

– Не поедешь – убью. Веришь?

Глава 2

Непонятно, как сумел Васюта это сделать, но вездеход, пусть и судорожными рывками, он с места стронул, а потом, жутко виляя, дважды чуть не съехав в кювет, отвел от реки сажень¹⁰ на сто, где боль отпустила Ломона столь внезапно, что ему показалось: голова стала воздушным шариком и вот-вот улетит.

Видимо, перестала она болеть и у Подухи, поскольку обхвативший ее до этого руками, сжавшийся в комок лежавший на полу трубник нерешительно вдруг отнял ладони, сел, прислонившись спиной к борту, и обвел пассажирский отсек недоуменным взглядом, определенно не помня, как Ломон его туда затащил.

Перестал вилять и вездеход – явно пришел в норму и его водитель Васюта. И даже лежавшая на полу связанная Олюшка раскрыла глаза:

– Развяжи!

Двуетидный сталкер поднял ее с пола и усадил рядом с собой на лавку, но развязывать пока не стал, сказав при этом осице:

– Я сперва посмотрю, как ты будешь себя вести.

– Хорошо буду, – буркнула Олюшка.

– Что?.. – Ломон сделал вид, что не слышит ее из-за шума мотора и лязга гусениц.

– Я не стану тебя убивать, – громко и отчетливо сказала осица. – По крайней мере прямо сейчас. Обещаю.

– А его? – кивнул на Подуху двуетидный.

– А его придушу. И пузану шею сверну, когда остановимся.

– Что так? – поинтересовался Ломон. Подуха же почему-то не возмутился, а напротив, виновато опустил глаза.

– Можно подумать, сам не знаешь. Они меня хотели принести в жертву. Я все слышала, очухалась как раз от боли, только виду не стала подавать. Так что пощады от меня пусть не ждут. А этот меня еще камнем, видать, по голове приложил, так что я ему должок верну – черепушку раскрою.

– Ты же собиралась его придушить.

– Одно другому не мешает.

– Я тебя не камнем, а прикладом, – подал наконец голос и Подуха. – Потому что ты в Ломона целилась. И я ведь легохонько – вон даже крови нет.

– А я тебя сейчас зубами достану, гаденыш! – свирепо оскалившись, рванулась с лавки осица. – И крови будет очень много!

– Тихо ты, тихо! – схватил ее за плечи Ломон. – Ну вот, а еще просишь, чтобы я тебя развязал...

– Ладно, не развязывай. Потому что я его точно тогда убью. И тебя заодно, если мешать будешь. Лучше скажи: куда мы едем?

– В Канталахти.

– Что?! – вскинулась Олюшка. – На кой еще хрен?! А ну, назад поворачивайте!

– На кой хрен едем – расскажу чуть позже. А вот назад не повернем точно, мы уже слишком далеко уехали. Тем более сама знаешь, что нас ожидает возле реки. Кстати, а ты случайно и вправду не знаешь, что это было?

– Сама раньше не сталкивалась, – неохотно проворчала осица. – Но очень похоже по рассказам тех, кто сталкивался, на «жертвенник». В эту оказию если один попадешь – ничего тебе не будет, даже не заметишь. Ну, может, чуть голова заболит. А вот когда несколько человек...

¹⁰ Сажень – дореволюционная мера длины в России, приблизительно 2,13 м.

Эта гадость не просто больно тебе делает, физическая боль лишь ее инструмент. Она насыщается твоими душевными муками, когда ты посылаешь на смерть того, кто с тобой рядом.

– Не все от этого сильно мучаются, – буркнул под нос Ломон, но Олюшка услышала.

– Да уж понятно, что не все, – сверкнула она кровожадным взглядом на Подуху. – Вот бы этих двоих в «жертвенник» запустить! Когда двое – это для той okazji самое наслаждение.

– Почему? – не понял двуетидный.

– Потому что «жертвенник» очень любит поиздеваться над людьми особо извращенными способами, – вроде бы даже с интересом принялась объяснять начитанная, а потому грамотно и образно изъясняющаяся осица. – Может даже показаться, что эта okazия обладает разумом, но я думаю, что она просто хорошо изучила человеческое поведение, вот и пытается сделать так, чтобы повкуснее насытиться. Потому от одного человека ей проку нет, тому не из-за чего перед ней душевно мучиться. Когда людей несколько – тут как повезет, ведь и в самом деле не все из-за других морально страдают, лишь бы тебя самого не трогали, – тут она снова зыркнула на Подуху, и парень невольно поежился. – Но самое для «жертвенника» удовольствие, когда попадают двое.

– Но ведь когда двое – нет большинства! – не выдержал Ломон. – «Жертвеннику» некого убивать, а значит, и мучиться будет некому.

– Вот тут-то главная хитрость и кроется. Когда двое – большинством можно только спастись. То есть каждый из этой везучей парочки должен отказаться принести другого в жертву. Но человеческая психика такова, что ты, пусть даже неосознанно, ждешь от второго в такой ситуации худшего. Понимаешь: не успею выбрать его в жертву я – он выберет меня. И всегда хотя бы один выбирает другого, а чаще – оба. Но вот этот момент, когда ты считаешь второго своим врагом, хотя на самом деле, может, это твой лучший друг; это чувство животного ужаса, ожидания подлости от ближнего своего, стремление успеть предать другого, пока он не предал тебя, настолько сладостен для «жертвенника», что он буквально досуха выпивает эмоции струсившего человека, после чего, даже если тот не умирает от депрессивного шока сразу, все равно уже не способен жить в Помутнении.

– Но неужели не было такого, чтобы оба человека отказывались жертвовать друг другом?

– Говорят, один раз было. Когда в «жертвенник» попали мать с маленьким сыном. Она слишком любила ребенка, чтобы им пожертвовать, а тот чисто инстинктивно не хотел никому отдавать маму. Но ты ведь знаешь, что исключение только подтверждает правило?

– Хочешь сказать, что все люди по определению дерьмо? – скрипнул зубами двуетидный.

– А ты оглянись вокруг! Не были бы они дерьмом, мы бы все в такой заднице оказались бы?

– Это скорее всего сотворил взбесившийся искусственный разум, – отвел глаза в сторону сталкер.

– А кто его создал, этот разум? Заскучавший бог? Или заехавшие на праздничный пикник марсиане? – Помедлив, осица негромко сказала: – Ну, хорошо, ты – не дерьмо, не стал ни мной, ни кем-нибудь из этих жертвовать... За это расскажу тебе, о чем попросишь, но только и ты расскажешь, что обещал. И все равно ты тоже исключение, подтверждающее правило, так что сильно не радуйся. А правило – вон, на полу пованивает, где ему и место.

Подуха вскочил, словно подброшенный пружиной, стал искать глазами свободный участок на лавках, но огромный Зан полностью занимал одну из них, а на второй можно было сесть только рядом с Олюшкой, чего трубник делать не стал и, вновь опустившись на пол, с вызовом бросил:

– А ты сама-то кого в жертву назначила? Уж всяко не промолчала!

– Не твое дело! – огрызнулась осица.

– Вот-вот! – торжествующе закивал Подуха. – Назначила же кого-то! А еще строит тут из себя праведницу.

– Я пузана назначила, – все-таки призналась Олюшка. – Потому что он первым мной пожертвовал. Да еще выл, как баба. Терпеть не могу воющих мужиков.

* * *

Какое-то время все трое молчали – каждый, вероятно, о своем, а потом двуетидный, сдвинув брови, сказал:

– Предлагаю забыть этот эпизод. Ситуация была слишком неоднозначной, да и наши отношения друг к другу – тоже, так что кто кого назначил в жертву, пусть остается у каждого на совести, но попрекать, а тем более мстить за это не стоит.

– А я буду! – с вызовом вздернула голову Олюшка.

– Что именно будешь? На самом деле попытаешься убить Подуху с Васютой? Допустим даже, тебе это удастся. И что потом? Управлять вездеходом мы с тобой не умеем, пешком мы хоть в одну, хоть в другую сторону не дойдем. Так что, убив их, ты убьешь и нас с тобой тоже.

– Ну и пусть, – проворчала осица, но видно было, что до нее стало доходить истинное положение вещей.

А еще Ломон только теперь обратил внимание, что Олюшка ничего не спрашивает о пристегнутом к лавке выключенном Зане. Да, она еще с первой их встречи знала, что это кибер, но ведь наверняка должна была заинтересоваться, что с ним случилось. А поскольку молчит, значит, это ей откуда-то известно. И это, вероятнее всего, связано и с тем, как она вообще очутилась в багажном отсеке вездехода. Поэтому двуетидный сталкер строго на нее посмотрел и четко произнес:

– Насчет этого я все сказал, возвращаться не буду. Только Васюте еще разьясню потом. А сейчас твоя очередь объясняться. Рассказывай, как ты здесь оказалась.

– Расскажу, – проворчала Олюшка. – Но только тебе. А этот пусть выйдет, – мотнула она головой на Подуху.

– Не придуривайся! – начал злиться Ломон. – Куда он выйдет? На ходу в лес выпрыгнет?

– Ну, пусть уши чем-нибудь заткнет.

– Послушай, дорогая моя, – произнес двуетидный тоном, от которого осица едва заметно поежилась. – Хотим мы того или нет, но мы все сейчас – одна команда, как бы мы друг к другу ни относились. Мы находимся во враждебной человеку среде, ты сама это прекрасно знаешь. А если мы еще будем враждовать и друг с другом – мы только поможем Помутнению нас всех прикончить. И разбежаться сейчас в разные стороны мы не имеем возможности, поодиночке нам тут не выжить. Веришь?

– Ну... – буркнула Олюшка. – Ладно. Но потом...

– Давай о «потом» и говорить потом будем.

– Хорошо, – прищурилась вдруг осица. – Договорились. «Потом» отложим на потом. А сейчас мы одна команда, согласна.

– Вот и хорошо, – осторожно кивнул Ломон, ожидая подвоха. – Тогда давай рассказывай.

– Нет, тогда сначала ты давай развязывай, – выдала торжествующую улыбку Олюшка.

– Обещаешь, что не кинешься меня убивать? – передвинулся чуть дальше по полу Подуха.

– Так мы же одна команда, – улыбнулась осица и ему, только, пожалуй, слегка зловеще. Или даже не слегка.

– Хорошо, – подумав совсем недолго, сказал двуетидный. – Но твоя «Печенга» останется пока у Подухи. Просто чтобы не мешала при рассказе.

– Только если поцарапает, – теперь уже откровенно зловеще осклабилась осица, – я ему и это припомню. Потом.

– Хорош, я сказал! – выкрикнул Ломон. – Сколько можно свою крутость рекламировать?! Меня от рекламы всегда тошнить начинается, веришь?

Вряд ли Олюшка что-то знала о рекламе, но то ли ей надоело лаяться, то ли она и впрямь наконец стала осознавать ситуацию, а может, и самой уже хотелось поделиться своей историей, только она убрала с лица улыбку и, дождавшись, пока Ломон освободит ей руки и ноги, стала рассказывать.

* * *

Оказалось, участницы группировки «ОСА» и впрямь стали думать, что в Мончетундровске они круче всех. А потому решили, что действовать через посредников для них уже не подходит. Но заявить скупщикам напрямую, что больше они в их услугах не нуждаются, было все-таки чересчур уж борзо, а то и самоубийственно, это осицы тоже понимали. Нужно было сначала прощупать почву, аккуратно переговорить с трубниками насчет того, готовы ли они сотрудничать с группировкой «ОСА» напрямую – возможно, для начала нелегально, чтобы не разозлить скупщиков и членов других группировок. А поскольку хорошо говорить лучше всех умела начитанная Олюшка, отправили на такие переговоры к трубникам именно ее.

– Ни хрена себе! – не выдержал Подуха. – Да Потап – наш главный – тебя бы тут же скупщикам сдал, едва бы ты рот раскрыла! Если бы Хмурый сразу не пристрелил. Только сейчас какой разговор, если канталахтинцы улетели...

– Мы же тогда не знали еще про канталахтинцев. Это я, когда из «туннеля» к вам вылезла, чуть на ваших и не наткнулась, которые зачем-то товары в сторону Мончетундровска ташили. Поняла, что это неспроста, и втихаря за ними проследила, ну и просекла из разговоров, в чем проблема. А когда кто-то из них сказал, что это здоровенный чужак едва дирижабль не продырявил, сразу два и два сложила и поняла, что это его рук дело, – кивнула она на бездвижного кибера.

– Погоди, – нахмурился Ломон. – Из какого туннеля ты вылезла? Только не говори, что вы прокопали подземный ход от Мончетундровска до фабрики, я в это все равно не поверю.

– Ничего мы не копали, – фыркнула осица. – Это... – Она помялась, но потом все же неохотно продолжила: – Это вообще-то наш секрет, мы случайно обнаружили, и вроде как больше об этом никто не знает... Поклянитесь, что никому не расскажете!

– Опять какие-то условия? – нахмурился двуетидный. – Так мы одна команда или нет?

– Одна, одна, – отмахнулась Олюшка. – Ладно, все равно уже... Короче, в лицее есть оказия, которую мы называли «туннелем», потому что если в нее войти – выйдешь уже в другом месте, а именно как раз на фабрике, недалеко от причальной трубы. Мы когда это обнаружили, тогда у нас и появилась идея работать с трубниками напрямую.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Ломон. – Я даже могу тебе точно сказать, где в лицее этот «туннель» начинается. Веришь?

– Не верю, – хмыкнула осица. – Потому что в него так просто не попасть.

– Вот именно что не попасть. Поэтому я сильно удивлен, что в него как-то попала ты. Но начинается он в мальчишеском туалете на четвертом этаже.

– Издеваешься?! – вспыхнула Олюшка. – Вот и рассказывай вам после этого...

– Да ничего я не издеваюсь! Просто мы сами... я сам... Короче, мы тоже про этот «туннель» знаем, и некоторые из нас им пользовались. Начинается он как раз на четвертом этаже лицея в туалете с буквой «М» на двери, а ведет в гараж, где стоял этот вездеход.

– Ничего себе... – изумленно выдохнула осица. – Еще один «туннель»?

– А ты что, говоришь про какой-то другой? – изумился теперь и Ломон.

– Про другой. Но тоже на четвертом этаже. В одном из классов... Постой, но там, в другом «туннеле», разве не было на входе «светильника»?

– Который парализует? – сразу понял двуетидный, о чем идет речь. – Был. Только я... мы... В общем, мы заходили с другой стороны, а там никакого «светильника» нет...

– Но даже если с другой зайти, то дальше все равно из-за «светильника» не пройти, – продолжала недоумевать Олюшка.

– Я тебе позже все подробно расскажу, обещал же, – сказал Ломон. – А сейчас ты мне объясни, как сумела пройти сквозь «светильник»?

– Сумела, потому что у меня есть «тушилка», – достала осица из кармана «небывашку», такой же белый кубик, что имелся в загахнике и у сталкеров, только этот был раза в четыре меньше размером.

Глава 3

И Лом, и Капон были умными людьми, так что и теперь, будучи носителем обоих этих разумов, Ломон глупее не стал. Поэтому сразу догадался, что Олюшка говорит о той самой световой парализующей аномалии, которую в лице зацепил рукой Капон. И теперь было уже очевидно, что такие вот «светильники» непосредственно связаны с «туннелями», поскольку два примера – это уже не случайность, а скорее, закономерность. Еще одно полезное открытие состояло в том, что артефакт «небывашка», который осика называла «тушилкой», нейтрализовал парализующее действие «светильников», а значит, теперь уже в два известных телепортационных портала можно заходить без опаски.

Главный из всего этого вывод еще не успел принять словесную форму, но уже сиял маяком надежды в голове двуетидного сталкера: теперь он сможет разъединиться на две изначальные составляющие без больших проблем! Почти сразу он сумел сформулировать это для себя и в деталях: вернувшись после окончания миссии в Мончетундровск, а конкретно в тот же самый гараж, откуда они и отправились в путь, ему будет нужно, как он это уже и делал, зайти в «туннель» и оказаться в мужском туалете лица уже в обоих ипостасях – Лома и Капона. Но теперь, чтобы вернуться к остальным сталкерам, им не нужно будет совершать долгий и опасный пеший переход из города на фабрику – просто одному из них будет достаточно сделать несколько шагов по коридору до класса с другим «туннелем», ведущим, как и первый, на фабрику, причем, судя по рассказу осики, куда-то неподалеку от гаража, а имеющаяся у них «небывашка» поможет справиться с опасным «светильником». Второй же из них вернется в гараж, попросту сделав один шаг назад. Для этого ему никакая «небывашка» не понадобится, ведь «светильник» пересекать не придется. И все! Проблема будет решена!

– Ты чего лыбишься? – прервала его оптимистические мечтания Олюшка. – Думаешь, я сочиняю насчет «тушилки»? Но как бы я тогда попала в «туннель»? А вот как подал туда без нее ты, я так и не въехала. И вообще ты кто – Лом или Капон, я тоже не разобралась. И где второй братец? Или его как раз «светильником» и парализовало, а вы подумали, что ему кранты, и оставили валяться? Тогда вы такую ошибку сделали, ребята, что я даже боюсь вам правду говорить...

– Правда в том, – усмехнулся Ломон, – что паралич от «светильника» действует всего минут пятнадцать-двадцать, но это для одной руки, все тело, может, и подольше будет отходить.

– Значит, уже вляпывался? А где тогда второй?

– погоди, – покачал головой двуетидный, – ты еще свою историю недорассказала. Сначала закончи, а потом уже я начну.

– Так а чего там заканчивать? – пожала плечами осика. – И так все понятно ведь. Раз такая непонятка образовалась, я не стала сразу оставшимся трубникам показываться, а решила сперва их разговоры тоже послушать. Ну и спряталась в укрытии неподалеку. А потом увидела, как вы бочку откуда-то катите. Сначала даже психанула и хотела вас пристрелить...

– Из-за бочки соляры?.. – вытаращил глаза Ломон.

– Из-за нарушения уговора, – нахмурилась Олюшка. – Вам же было велено все гостинцы нести сразу к нам, ни с кем больше дел не иметь. А тут я подумала, что вы с трубниками напрямую законтачили, как мы сами хотели...

– Ага, то есть вам можно, а нам нельзя, – снова не выдержал двуетидный.

– Да, нам можно, а вам нельзя! – сверкнула на него взглядом осика. – Потому что мы – «ОСА», а вы...

– А мы «Сталкер», – продолжил за нее фразу Ломон. – И кстати, ты теперь тоже в этой группировке, пусть и временно, так что давай прекращай строить из себя главную. – Видя, что

Олюшка насупилась еще больше, он смягчил тон: – Ладно, прости, я тебя перебил. И что было дальше? Почему ты передумала в нас стрелять?

– Во-первых, потому, что вас было больше, я могла не уложить сразу всех одной очередью. Еще и про кибера вспомнила, его ведь пулей, наверное, не сразу и прошибешь. Но главное, вы не к причальной трубе с этой бочкой пошли, а в гараж ее закатали. Меня это заинтересовало. Я вообще терпеть не могу, когда чего-то не понимаю. Так что решила рискнуть и тоже пробралась в этот гараж. Помогло еще то, что там было темно. Но близко к вам подбираться я все-таки опасалась – могли меня запросто фонариком высветить чисто случайно даже. Потому в уголке у стеночки и жались. Слышно было оттуда плохо, видно – тем более, но все-таки я смогла просечь, что вы куда-то намылились ехать на вездеходе. Я бы не смогла пережить, если бы не попыталась узнать, куда именно. Да и Светуля с Анютой мне бы этого не простили – месяца два стали бы меня Ольгой называть, а то и Ольгой Дмитриевной... – Тут осика раздраженно замотала головой: – Так, забудь, это к делу не относится!.. Короче, я дождалась, пока вездеход заведется – меня впечатлило, кстати, что кибер для этого собой пожертвовал, – под рев мотора проскочила к багажнику и залезла в него. Все. Теперь ты.

Ломон напрягся. Ему очень не понравился один момент в рассказе Олюшки... Как это так: она пряталась в гараже, совсем рядом с ним, а он не смог уловить ее ментальную энергию?.. Или осика нагло врала, или... Ну да, он ведь теперь не был взломщиком Ломом, у которого помимо приобретенной из-за мутаций способности «видеть насквозь» электронику была и эта – улавливать на расстоянии присутствие разума. То есть он был теперь как Ломом, так и Капоном, у которого таких способностей не было. Что, если при слиянии двух сознаний ломовские полезные дары перестали работать?.. «А что тебе мешает это проверить?» – мысленно спросил он, хотя, похоже, это проявила себя часть сознания Лома. И Ломон, сосредоточившись, понял, что ментальную энергию присутствующих он все-таки чувствует, но гораздо слабее, чем мог это делать один Лом, причем он не мог даже с такого близкого расстояния определить, сколько человек ее излучают, хотя и уловил, что источник не единственный. Стало понятно, почему он не почувствовал в гараже Олюшку, – там было слишком много людей.

– Ты чего задумался? – насупилась осика. – Сочиняешь для меня сказочку? Предупреждаю: я вранье за версту чую!

– Да ничего я не сочиняю, – поморщился двуетидный сталкер. – Просто думаю, с чего лучше начать, не так все в моей истории просто.

Все было и в самом деле очень непросто. Тем более Ломону не очень-то хотелось раскрывать все карты осике. И даже не столько потому, что он ей не доверял – а о полном доверии, разумеется, пока и речи быть не могло, – как потому еще, что всей правды он все равно сообщить не мог, тем более и Подуха был рядом, который всего не знал тоже. И получалось, что придется если не напрямую врать, то многое недоговаривать, и об этом нужно будет все время помнить, учитывать при последующих разговорах, чтобы случайно не проговориться, да и самому не запутаться. Проще было рассказать все как есть, с самого начала. Но «как есть» – оно ведь на правду-то совсем не похоже, он бы и сам – хоть Лом, хоть Капон – еще пару дней назад в подобное не поверил, посчитал бы рассказчика поехавшим крышей идиотом. Вот скажи он сейчас Олюшке и Подухе эту правду – все, доверие к нему будет подорвано, и даже трудно предугадать, что они при этом подумают и как себя поведут.

Но проблема заключалась еще и в том, что даже если не рассказывать этим двум попутчикам настоящую историю их появления в Мончетундровске, то выдуманная легенда тоже сейчас трещала по швам, потому что существовало две ее версии: одна для группировки «ОСА», где Лом с Капоном были скрывающимися от органов правопорядка ворами-взломщиками, а Васюта с Заном их помощниками; другая же – для трубников, где вся их компашка состояла из не отягощенных большим умом бездельников, которым захотелось приключений. Нужно было как-то привести все к общему знаменателю, и лучше, по мнению Ломона, было остановиться

на версии, рассказанной ими осикам, – там и правды было больше, и дураками себя выставлять не приходилось, ну и говоря откровенно, не хотелось лишний раз нервировать Олюшку – узнав про обман, она бы, возможно, передумала оставаться с ними «одной командой».

И двуетный, придав лицу виноватое выражение, посмотрел на трубника и вздохнул:

– Эх, Подуха, прости нас за вранье...

– Это в каком таком смысле? – встрепенулся тот.

– Понимаешь, мы не совсем те, за кого себя выдавали.

– Что?! – попытался вскочить трубник, но вездеход качнуло, и он снова плюхнулся на пол.

Насторожилась и Олюшка, и Ломон успокаивающе поднял руки:

– Тихо, тихо, без паники! Сейчас все объясню... То есть вам-то, – мотнул он головой на осицу, – мы тогда все верно сказали, а вот вам, – сделал он кивок Подухе, – мы всю правду говорить не рискнули, веришь?

– Только не надо мне впаривать, что вы из разных миров, – проворчал трубник.

– Что?.. – едва сумел выдавить Ломон сквозь вмиг пересохшее горло, не понимая, когда он успел так проколоться.

– Ну, тогда, когда вы, Лом и Капон, стали одним и вернулись в гараж, ваш кибер ляпнул что-то такое, мол, это потому, что ты один и тот же человек, живший в двух разных мирах. Но ведь у них, у киберов, мозги набекрень, мне про них в детстве батя много сказок рассказывал...

– Да-да, набекрень, это точно, – облегченно выдохнул сталкер. – Я ведь когда его подобрал, он двух слов связать не мог, сам его как смог перепрограммировал. А я ведь не спец по киберам так-то. Вот он таким и получился – чудит иногда. Как скажет что-то порой – хоть стой, хоть падай. Но мне это особо не мешало, да и вообще он нас здорово выручал. Ведь на самом деле мы... Эх, ладно, слушай.

И двуетный поведал трубнику сочиненную ранее для группировки «ОСА» легенду, по которой у Лома с Капоном, да, собственно, и у их помощников Васюты и Зана были проблемы с законом, вот они и решили спрятаться от властей там, куда за ними точно не сунутся, – в захваченный Помутнением Мончетундровск.

Видно было, как осика после этого немного расслабилась, а Подуха обиженно проворчал:

– И почему было нам это не рассказать?

– Мы не знали, как вы отнесетесь к тем, кто... не дружен с законом, – кое-как сформулировал двуетный и едва не поморщился от своих слов.

– Самому не смешно? – буркнул трубник. – А то мы все там с ним дружим! Да мы сра... плевать хотели на тот закон, мы и слово-то такое забыли. А уж на представителей вашей романовской власти вообще большую кучу на... плевали...

– Ну так что, без обид, значит? – посмотрел на него двуетный.

– Да ладно уж. Только больше не ври.

– Вот это он правильно сказал: не ври, – кивнула Олюшка. – И давай рассказывай, чего вам в Мончетундровске не сиделось.

– Да, может, и посидели бы еще, мы даже дом себе нашли, обустриваться начали, но... – Ломон вздохнул и показал на Зана: – Вот это чудо техники кое-что учудило.

– Он по дирижаблю начал стрелять! – подхватил трубник.

– Если уж договорились не врать, то не по дирижаблю, а рядом с ним. И раз уж ты сам заговорил про стрельбу, то продолжай: кто тогда еще популял слегонца?

– Ну, я, – потупился Подуха. – Но это ведь только для самообороны!

– Для какой обороны? Зан в воздух стрелял. Только чтобы вас отвлечь.

– Давайте кто-нибудь один будет рассказывать! – сердито выкрикнула Олюшка. – А то я уже запуталась. Так вы что, не заодно с трубниками были? – зыркнула она на Ломона. –

И от чего вы их отвлекали? Погоди-ка... Уж не напрямую ли с канталахтинцами вы решили законтачить? Тогда вы или наглецы, или придурки. А скорее всего наглые идиоты.

– А вот не надо делать скоропалительных выводов, – помотал головой двуетидный. – У нас собака туда убежала, надо было ее как-то вызволять.

Да, в этом тоже Ломону пришлось соврать. Но не рассказывать же, что Медок стал разумным – в это как раз вряд ли поверят, – и не говорить же, что они специально отправили пса на дирижабль, – тогда бы пришлось сознаваться и для чего это понадобилось.

– Ага, – заулыбался Подуха. – Собака на подъемник заскочила, когда он кверху шел. А потом в гондолу запрыгнула. Так что скорее всего она сейчас уже по Канталахти бегаёт.

– Я же просила, чтобы кто-то один рассказывал! – снова рыкнула осица, но уже не столь сердито. А Ломон и вовсе был благодарен трубнику, что поддержал его, – теперь Олюшка будет меньше сомневаться в правдивости его слов.

– Я расскажу, – кивнул он. – В общем, так уж получилось, что у нас появилось сразу две причины отправиться в Канталахти: попросить у летунов прощения за необдуманную стрельбу и найти нашего Медка. До этого мы как раз наткнулись на этот вездеход, но у него был дохлый аккумулятор, а главное – для него требовалась горючка. Насчет аккумулятора Зан придумал, как поступить – завести двигатель от своего источника питания, – а вот насчет горючего пришлось идти к трубникам, и они нам подсказали, что его можно найти в одном из цехов фабрики, и даже дали провожатого.

– Трубники вот просто так вам все сказали и дали? – вытаращила глаза Олюшка. – И это после того как вы спугнули канталахтинцев? Ни за что не поверю. На их месте я бы вас сразу пристрелила, тут даже и думать нечего!

– Вообще-то они это как раз и собирались сделать, – хмыкнул двуетидный, а Подуха коротко хохотнул. – Но мы во всем сознались, извинились и рассказали, что хотим поехать в Канталахти и заглядить свою вину. К тому же мы не с пустыми руками к ним пошли, гостинцы у нас имелись. Наша идея трубникам понравилась – вон они даже Подуху с нами отправили, чтобы он тоже за свою стрельбу извинился. Ну и чтобы за нами приглядывал.

Трубник что-то невнятно проворчал, но, опасаясь, видимо, Олюшки, развивать тему не стал. Ломон же развел руками:

– Вот, собственно, и все. Остальное ты знаешь: мы заправили вездеход, кибер его завел – и вот, как видишь, мы едем на нем в Канталахти.

– Ну, хорошо, – немного подумав, сказала осица. – Тут у тебя вроде все сходится. И главное доказательство – он, – показала она на Подуху. – Но ты так и не рассказал, куда подевался твой братец. Хотя постой, я сама догадаюсь!..

– Ни за что не догадаешься! – захихикал трубник.

– А давай, если догадаюсь, я тебе зуб выбью, – прищурилась на него Олюшка.

– А давай! – раздухарился тот. – Только с первого раза угадывай.

– С трех, – отрезала осица. – Но зуб один, согласна.

Ломону стало очень интересно, какие она предложит варианты. Он решил, что насчет Подушиного зуба, конечно, потом вмешается, если до этого и впрямь дойдет дело, но то, что Олюшка сможет самостоятельно раскрыть его двуетидность, и сам не верил. А та уже начала озвучивать варианты:

– Скорее всего его оставили у себя трубники. Как залог того, что вы не слиняете.

– Мимо, – сказал двуетидный.

– Тогда он погиб.

– Тоже мимо.

– Уточняющий вопрос можно?

– Можно, но тогда, если угадаешь, Подуха тебе зуб не должен.

Осица скривилась, но все же кивнула:

– Идет. А вопрос такой: братец остался в Мончетундровске?

– Нет.

– Нет?! Ха!.. Ну, тогда все понятно: он поперся назад в Романов. Но в этом случае сейчас он уже наверняка покойник, а значит, на втором ходу я угадала. Подставляй зуб! – наклонилась она к трубнику.

– Ты не угадала, – сказал Ломон. – Ни на втором ходу, ни на третьем.

– Ну а где же тогда он?

– Он – это я, – ткнул двуетидный себе в грудь пальцем. – А я – это он. Потому я теперь не Лом, не Капон, а Ломон.

Глава 4

Ломон рассказал Олюшке про особенность работы «туннеля», благодаря которой он из двух человек стал одним – точнее, двуетидным. Разумеется, он не стал говорить осице, что на самом деле они – Лом и Капон – не братья, а один и тот же человек из разных миров, поскольку, как уже было сказано, вообще на эту тему не собирался распространяться. Тем более даже в таком, «упрошенном» варианте она ему не поверила и, сердито засопев, процедила сквозь зубы:

– Что ты мне тут заливаешь? Такое только в плохих книжках бывает, когда у писателя с талантом проблемы, вот он и начинает ерунду всякую выдумывать!

– А я и не говорю, что это не ерунда, – невесело усмехнулся Ломон. – Еще какая ерунда. Не будь ты девушкой, я бы даже другое слово использовал. Тем не менее она с нами случилась. Веришь?

– Нет!

– Он правду говорит, – подал голос Подуха. – Я там был, когда они вдвоем в эту оказию шагнули, а вернулся потом один. Погоди-ка! Так ведь и ты в гараже в это время сидела, сама говоришь! Должна была видеть.

– Я ведь не под потолком сидела, мне вас из-за вездехода не всегда было видно. Да и темно еще, вы же мне специально фонариком не подсвечивали, чтобы я все разглядела.

– Ну, слышать была должна, когда мы это обсуждали.

– Ничего я никому не должна! – зашипела Олюшка. – Вы же во все горло не орал, а у меня обычные уши, а не локаторы, чтобы каждый ваш шепоток разобрать.

– Хорошо, – сказал двуетидный. – Ты помнишь, как мы с братом были одеты? А теперь взгляни на это, – указал он на ставшие рябыми с преобладанием зеленых, желтых и коричневых тонов штаны и куртку – нечто среднее между прежней камуфляжной экипировкой Капона и походным костюмом Лома.

– И что? – фыркнула осица. – Вы сто раз могли переодеться после того, как нас встретили.

– Во что переодеться? Или ты думаешь, что от наших преследователей мы с чемоданами убегали?

– Ничего я не думаю. Кроме того, что такого, как ты сказал, не бывает.

– Пусть ты и много читаешь, но даже в книгах не написано того, что может быть на свете. А уж тем более того, что может быть в Помутнении.

– Ну... допустим, – стала сдаваться осица. – И как вы теперь, так и будете вдвоем одно тело делить?

– Есть вариант, – сказал двуетидный и объяснил, что при обратном переходе через эту аномалию Лом и Капон опять становились сами собой. А потом добавил: – Но нам было жалко терять время на возвращение через город, поэтому на время поездки мы решили остаться двуетидным человеком. Да и экономней так, и места меньше занимаем. Ну а когда вернемся назад, тогда и восстановимся. Тем более теперь мы знаем, что в лицее имеется сразу два «туннеля», так что и ноги, как говорится, стаптывать не придется.

В конце концов Олюшка, судя по всему, двуетидному поверила. Во всяком случае, больше ему не возражала. И какое-то время они после этого ехали молча, Ломон даже стал подремывать. И тут вездеход вдруг резко задержался – так, что сталкер с осицей повалились на пол – и остановился. Самое ужасное, двигатель при этом заглох!

Ломон, матерясь под нос, бросился к дверцам, распахнул их и выскочил наружу.

– Ты что наделал?! – закричал он также уже выбравшемуся наружу Васюте. – Мы же теперь тут застряли!

Но водитель вездехода к нему даже не обернулся. Он смотрел куда-то вперед, и хоть двуетидный не мог видеть его лица, уже одна только Васютина поза красноречиво говорила, насколько тот изумлен. Однако вскоре он все-таки оглянулся, и Ломон поразился величине глаз приятеля – казалось, еще чуть-чуть, и они выпадут.

– Ты чего? – начал переживать двуетидный сталкер, опасаясь, что они снова влетели в какую-то психотропную аномалию, которая что-то уже сотворила с мозгами Васюты. И то, что он ответил, казалось бы, подтвердило это опасение:

– Там... Там Медок! Он сюда бежит.

– Да что ты... – начал было Ломон, но тут вдруг услышал радостный собачий лай, который ни за что не смог бы перепутать с чьим-то другим. Во всяком случае, не перепутал бы Капон, но сейчас сталкеру было не до того, чтобы разбираться, кому именно принадлежат эти мысли.

Он выбежал перед вездеходом и сразу увидел саженях в тридцати впереди несущегося к нему по разбитому асфальту четвероногого друга. Не медля ни секунды, сам он тоже ринулся навстречу псу.

Когда они поравнялись друг с другом, Медок вскинул передние лапы, забросил их на плечи Ломону и принялся облизывать ему лицо, поскуливая от счастья. Двуетидный сталкер и сам едва не заскулил – настолько ему, особенно ипостаси Капона, стало легко на душе.

– Ты как?.. Ты откуда тут?.. – забормотал он, глядя большую лохматую голову пса, когда оба чуть успокоились. – Ты ведь не мог из Канталахти... Постой, они тебя что, высадили?

Медок дважды гавкнул. А ведь когда после встречи с «черными учителями» пес обрел разум, сталкеры договорились, что тот при «разговоре» с ними станет лаять: один раз будет значить «да», два – «нет», три – «не знаю». Ну а когда начнет скулить – на помощь придет Лом, который, взяв лапу в ладонь, мог прочесть мысли пса – точнее, их словесную интерпретацию, как если бы Медок говорил это сам.

Но сейчас «гав-гав» означало «нет», что озадачило Ломона.

– Как это нет? – заморгал он. – Ты ведь с ними улетел на дирижабле!

– Гав!

– А сейчас ты здесь. Но ведь до Канталахти еще далеко, ты бы не успел прибежать. Веришь?

Медок трижды пролаял, что означало «не знаю».

– Ерунда какая-то... – помотал головой двуетидный. – Ладно, дай лапу.

И вот тут ему стало не по себе. Он вспомнил, что перестал отчетливо улавливать ментальную энергию, так что кто знает, сможет ли он теперь понимать Медка? Но не попробовав – не узнаешь. И Ломон внезапно задрожавшей ладонью сжал мохнатую лапу друга.

Опасения были не напрасными – он не «услышал», что «сказал» ему пес. Возникло лишь перед мысленным взором беспорядочное мельтешение, от которого к горлу подкатил тошнотворный комок.

– Стоп! – выкрикнул двуетидный и, разжав пальцы, выпустил собачью лапу. – Дай мне минутку...

Переждав, пока в голове слегка прояснится, он собрался попробовать снова начать «разговор», но услышал из-за спины взволнованный голос Олюшки:

– Это же ваша собака! Откуда она здесь? Ты же говорил, что она улетела на дирижабле! И ты что, с ней разговариваешь?

Ломон, увлекшись «беседой» с Медком, даже не заметил, как к ним подошли все трое: и Олюшка, и Подуха с Васютой. Сейчас нужно было быстро решить, что делать: продолжать скрывать разумность Медка или все-таки в этом сознаться, ведь теперь утаивать этот факт будет не только сложно, но и неэффективно, ведь от пса следовало многое узнать. И он решил

сказать правду. Ведь если до этого он опасался, что осица ему не поверит, то теперь доказательство – вот оно, сидит рядом и смотрит на них умными глазами цвета гречишного меда.

– Да, это наш пес Медок, – уверенно произнес двуетный. – Откуда он здесь взялся, я пока не выяснил. Но надеюсь это сделать. Потому что я и в самом деле разговаривал с ним. Ведь наш Медок... В общем, он стал разумным после встречи в лицее с «черными учителями».

– С кем?.. – вытаращила глаза Олюшка. Странно, что она удивилась именно этому, а не самому факту разумности пса.

– На нас напали черные лоснящиеся существа размером с человека, но двигающиеся очень быстро. Поскольку они вырвались из преподавательской, мы и прозвали их «черными учителями». Хоть и с трудом, но нам удалось с ними справиться, вот только один из них, подыхая, придавил собой Медка. И когда мы его освободили, он стал разумным.

– Мы называем их «мазутиками», – сказала осица. – Гадость та еще.

– То есть ты мне веришь? – уточнил Ломон. – Я имею в виду разумность нашего пса.

– Ну, так ты же не совсем идиот, чтобы соврать в том, что прямо сейчас и можно проверить, – кивнула на Медка Олюшка. – Он может по-человечески разговаривать?

– По-человечески нет, но мы придумали систему из нескольких гавканий... – И двуетный объяснил осице, как именно может отвечать на вопросы Медок. А потом добавил: – Если же ему самому нужно было что-то нам сообщить, я... то есть не этот я, а конкретно Лом брал его лапу, и устанавливался мысленный контакт. Но сейчас я попробовал – получается ерунда. Видимо, сознание Капона блокирует способности Лома. Не полностью, но...

– Он правду говорит? – не дослушав сталкера, спросила у Медка осица.

– Гав, – подтвердил разумный пес.

И между ним и Олюшкой, если заменить для удобства гавканье человеческим словами, состоялся следующий «разговор»:

– И раньше ты был обычной собакой?

– Да.

– То есть соображать, как мы, не мог?

– Нет.

– А после встречи с «мазутиками»... ну, с «учителями» этими, научился?

– Да.

– Сколько будет семью восемь?

– Не знаю.

– Ты еще попроси его доказать теорему Пифагора! – вмешался Ломон. – Он всего лишь стал разумным, математике его «черные учителя» научить не успели. Как и прочим предметам тоже.

– Я не с тобой разговариваю, а с собакой! – сердито глянула на него осица и продолжила общение с Медком: – Значит, писать ты тоже не умеешь?

– Нет.

– Плохо. Сейчас бы нацарапал на земле нужные ответы... Ну да ладно, давай хоть так. Ты на самом деле полетел в Канталахти на дирижабле?

– Да.

– И вы туда долетели?

– Нет.

– Тогда где теперь дирижабль?

Медок заскулил, не имея возможности ответить на такой неконкретный вопрос, но потом, вскочив на ноги, выбежал за край дороги и залаял, вытянув морду к лесу.

– Он что, упал?! – выкрикнули, похоже, все четыре человека сразу.

– Да.

– Далеко? – перехватил инициативу «беседы» Ломон.

- Да... Нет... Да... Нет... – начал лаять, неуверенно мотая головой, Медок.
- Сам же сказал, что он математике не обучен, – фыркнула Олюшка. – Он же тебе в верстах расстояние не назовет, а что ты подразумеваешь под «далеко», откуда он знает!
- Провести нас туда сможешь? – признавая правоту осицы, переиначил вопрос двуетидный.
- Да.
- А сами-то канталахтинцы где? – задал вопрос и Подуха. Но быстро сообразив, что на такой вопрос ответа не получит, тут же поправился: – Они живы?
- Не знаю... Нет... Не знаю.
- Но тебе все же больше как показалось: живы?
- Нет, – дважды пролаял Медок.
- Нам в любом случае нужно идти туда, – сказал Ломон. – Тем более если летуны все-таки живы, но, возможно, ранены.
- А ты что, врач? – скривила губы Олюшка.
- Нет, но элементарную первую помощь мы, возможно, сможем оказать. В конце концов, вызвать подмогу из Канталахти, если на дирижабле есть рация и если она не пострадала при падении.
- Если Медок уцелел, значит, удар о землю был не очень сильный, – предположил Васюта.
- Нет! – дважды гавкнул Медок.
- То есть удар был сильный?
- Да.
- Повезло тебе, выходит, песик, – погладил Васюта его лохматую голову.
- И тут трубник, нехорошо нахмурясь, спросил у Ломона то, чего и сам уже с тревогой ожидал от него двуетидный сталкер:
- Но если пес разумный, значит, он залез в дирижабль не по дурости. А зачем тогда?
- Ломон принялся лихорадочно соображать. Теперь и в самом деле нельзя было сказать, что Медок забрался к летунам ну пусть и не по дурости – зачем обижать мохнатого друга, – но хотя бы даже и из любопытства. Ведь и Подуха, и Олюшка элементарно это проверят, просто спросят у Медка, так ли это, а разумный пес не умеет врать... Но и говорить истинную причину – это значит нужно рассказывать про нужду в мощном аккумуляторе, что незамедлительно даст почву для новых вопросов, где что-то выдумать будет весьма затруднительно, а правда такова, что ее непременно примут за ложь.
- И тут неожиданно пришел на помощь Васюта.
- Я мечтал понырять с аквалангом, – сказал он, вспомнив недавний разговор с Подухой.
- С дирижабля?.. – скривила в ехидной улыбке губы осица.
- Нет. С лодки, с катера, все равно с чего. Я ведь не знаю, что там есть, в этой Кандалак... в этом Канталахти. Но акваланги ведь должны быть, там же море.
- А при чем тут собака и дирижабль? – продолжал хмуриться Подуха.
- Мы отправили с Медком послание для канталахтинцев, – ответил Ломон, придерживаясь правила «правдивой лжи», когда следует врать, беря за основу истину, чтобы и выглядело сказанное естественно, да и чтобы самому во вранье не запутаться. – Написали у него на ошейнике, что у нас есть к ним дело, но мы хотим общаться без посредников. И сообщили частоту приемопередающего устройства, которое имеется у Зана. Точнее, в нем самом. Верите? Да что я рассказываю – вот, сами посмотрите.
- Двуетидный наклонился к Медку, запустил пальцы в густую серую шерсть, но ошейника не нащупал.
- Они что, его сняли? – спросил он у пса.
- Медок утвердительно гавкнул.

– Ну вот, – выпрямился Ломон. – Слышали? Канталахтинцы сняли ошейник. Значит, прочитали записку.

– Но на связь не вышли? – спросила Олюшка.

– Нет, – развел руками двуетидный. – Может, у них не было рации или она не поддерживала нужную частоту.

– А может, вы другое там написали, – пронзила его осица таким холодным взглядом, что Ломон едва удержался, чтобы не поежиться. – Может, вы предложили возить на вездеходе туда-сюда грузы вместо них. И им хорошо – не нужно по небу мотаться, и вам навару выше крыши. Ну а потом вы открыли стрельбу, чтобы отлет дирижабля и эти вот как бы законные санкции получили бесспорное основание. Как тебе такой вариант?

– Вот ведь гады! – навел на Ломона «Печенгу» трубник.

Глава 5

Медок зарычал, явно собираясь броситься на Подуху.

– Оставь его, пусть потешится, – остановил пса двуетидный, а потом, всерьез начиная злиться, взмахнул руками: – Вы что, совсем рехнулись? Ладно этот, – мотнул он головой на целящегося в него трубника, – молодой еще, глупый, но ты-то должна соображать! – вперил он возмущенный взгляд на Олюшку.

– Вот я и сообразила, – недобро усмехнулась та.

– Сообразила!.. Ты книжек читалась. Дешевых боевиков. А логично мыслить пыталась хотя бы? Для начала, канталахтинцы – они что, идиоты? Им кто-то записку прислал: «Мы будем вместо вас товар возить», а они такие: «О! Круто! Полетели домой, пацаны, халява заявилась»? Как минимум они бы захотели сначала с нами лично встретиться и все обговорить. Но еще и чисто технически... Во-первых, на тот момент у нас не было никакого вездехода. Во-вторых, в него не поместится и трети того, что помещается в грузовую гондолу дирижабля, а скорее всего и пятой части не поместится... В-третьих, дорога с ее опасностями – тут мне даже вам ничего рассказывать не нужно, сами все видели и понимаете. Ну и наконец, мы-то что, тоже идиоты, по-твоему? Как бы мы стали все это в Мончетундровске проворачивать, если там нас за это или вы с подругами, или, вон, трубники тут же и прикончили бы? Да и еще бы наверняка желающие нашлись.

– Это уж точно, – пробормотал Подуха, опуская «Печенгу» и косясь на продолжавшего утробно рычать пса. – Только еще раз меня глупым назовешь, я тебя...

Медок недвусмысленно залаял.

– Хватит, дружище, – погладил Ломон его лохматую голову и перевел взгляд на трубника: – Ну а ты, если умный, скажи-ка, что может подтвердить мои слова?

– Канталахтинцы могут, – буркнул тот. – Если они еще живы, в чем я сильно сомневаюсь.

– Или записка, – негромко произнесла Олюшка. – Уж она-то скорее всего никуда не делась. Чем вы ее написали?

– Зан выжег прямо на ошейнике раскаленным стержнем.

– Тогда точно сохранилась. Доберемся до дирижабля, найдем ее, прочитаем, и если там...

– Можешь не продолжать, – остановил осицу двуетидный. – Если там не то, что я вам сказал, тогда вы нас прикончите. Угадал? Только есть небольшой нюанс: как мы туда доберемся? Придется невесть сколько пешком по лесу топтать, а там ведь наверняка не только волки с медведями, но и оказии да всякие исчадия Помутнения имеются. Все на такой риск согласны?

– А если не согласны, предлагаешь нам в Мончетундровск на своих двоих возвращаться? – усмехнулась Олюшка. – Это ты считаешь менее опасным?

– Волков я, честно говоря, побаиваюсь, – поежился Васюта. – У меня даже стишок про них есть:

Не углядела за дедушкой мама —
В лес умотал старикан за грибами.
Только не вышло с той вылазки толку —
Челюстью дедушки щелкают волки.

– С волками еще, допустим, наш Медок может справиться, – улыбнулся Ломон. – Да и автоматы против них с медведями мощная сила. А вот то, что припасло Помутнение...

– Зона Севера, – поправил Васюта, – мне так больше нравится. И потом... А зачем нам пешком куда-то идти? Вездеход же есть.

– Ты уже забыл, что заглушил двигатель? – сурово глянул на него двуетидный.

– Мы же еще не пробовали его завести... Аккумулятор наверняка уже подзарядился.
– Так чего мы тогда тут лясы точим?! – воскликнул Ломон. – Живо по местам!
– Ишь, раскомандовался!.. – проворчала Олюшка, но к вездеходу, как и все остальные, пошла.

* * *

Двигатель, пару раз фыркнув, уверенно затарахтел, и двуетидный, как, впрочем, и все, с облегчением выдохнул. В кабине сидел сейчас только Васюта, остальные стояли рядом, ожидая результата. И теперь, когда тот был получен, Подуха поставил ногу на ступеньку, чтобы тоже забраться в кабину.

– Погодите-ка, – сказал Ломон. – Мне нужно немного времени, чтобы подключить к генератору Зана. Приспособу с переходниками я заранее подготовил, но там все на живую нитку, так что лучше я все сделаю, пока мы стоим, а то по лесу поедем – будет так трясти, что как бы самим на части не развалиться.

И он забрался в кузов, откуда вновь появился минут через десять-пятнадцать.

– Все, можно ехать. Только, Васюта, будь аккуратней, если увидишь впереди что-то подозрительное – лучше объезжай стороной, не рискуй. И ты, Подуха, раз уж сидишь на штурманском месте, тоже смотри во все глаза, подсказывай водителю, куда ехать.

– Откуда ж я знаю, куда нужно ехать? – пожал плечами трубник. – Это вот он знает, – указал он на Медка. – Только и он особо не поможет, говорить ведь все равно не умеет. Разве что все время у него спрашивать: направо? налево? прямо? – и ждать, что он пролетает в ответ.

Медок, услышав это, дважды гавкнул, что означало «нет», отбежал вперед саженей на пять и обернулся. Снова чуть отбежал – опять обернулся.

– Он хочет сказать, что побежит перед вездеходом и будет показывать путь, – озвучила Олюшка то, что двуетидный и так уже понял. Но его беспокоило другое, о чем он и сообщил:

– Это, конечно, хорошо, но если Медок нарвется так на дикого зверя? Или угодит в аномалию, она же оказия?

– Зверя он заранее учует, – сказал Подуха. – Ну и я буду винтовку держать наготове – если вдруг что, высунусь из окна и открою огонь. А вот оказии... Ну, так ведь сюда он как-то прибежал. И потом, если он будет сидеть с нами в кабине, то мы все можем в оказию угодить, вместе с вездеходом. А так он хотя бы... – Договаривать трубник не стал, но все и так его поняли. И Ломон возмущенно затряс головой:

– Ну уж нет! Медок тебе что, индикатор аномалий? Одноразового действия... Сам-то не желаешь впереди пробежаться?

– Я все равно дороги не знаю, – проворчал Подуха, а потом с вызовом посмотрел на двуетидного сталкера: – А что ты тогда предлагаешь?

– Ребят, а вот я предлагаю похавать, – сказал вдруг Васюта. – А то уже в животе урчит. Нам ведь перед такой трудной дорогой сил набраться точно не помешает.

– Мы и так уже потеряли столько времени... – начал было Ломон, но сам же себя и перебил: – Хотя нам сегодня в любом случае до Канталахти уже нет смысла ехать, не стоит слишком поздно туда заявляться – серьезные вопросы лучше со свежей головой решать. У кого-нибудь есть часы? Сколько сейчас, интересно, а то с этим полярным днем непонятно даже, какое время суток...

Конечно, у него в кармане имелся смартфон Капона, который, на удивление, остался целым даже после того, как одежду двойников аномалия «туннель» перелопатила до неузнаваемости. Но даже если в телефоне еще оставался заряд, гаджет не стоило доставать при Олюшке и Подухе – тогда бы пришлось объяснять, где он нашел такое чудо. Но Подуха же его и выручил:

– У меня есть хронометр. Как нам, трубникам, без времени? – И он достал из-за пазухи карманные часы с круглой серебристой крышечкой, которую не без понтов со щелчком откинул и объявил: – Сейчас половина девятого.

– А до полудня или после, твой хронометр может сказать? – хихикнул Васюта, но тут же сам себя и осадил: – Да не, ясен пень, что сейчас вечер, мы же не полсуток валандались.

– Я тоже считаю, что нам нужно поесть перед тем, как куда-то ехать, – сказала вдруг осица. – Голодными мы много не навоюем, если вдруг что. Да и поспать бы немного тоже не мешало. А то дело к ночи близится, пузана после еды разморит, и он сам нам оказию устроит – в дерево врежется или в болоте завязнет.

– Я не пузан! – возмутился Васюта. – У меня просто пресс перекачан немного. Но разморить меня точно может, я уже и так зе-ева-аю!.. – невольно продемонстрировал он сказанное.

Вслед за ним зазевали и все остальные, включая вернувшегося к вездеходу Медка. И все-таки двуетидный сказал:

– Может оказаться так, что эта задержка погубит людей. Верите?

– А неоправданная спешка может погубить заодно с ними и нас, – в упор посмотрела на него осица и не отвела взгляда, пока он не признал:

– Согласен. Но спим недолго, часа четыре хватит, чтобы приободриться. Выспимся позже, когда дело сделаем.

– Или на том свете, – буркнул под нос трубник, но Ломон, стоявший с ним рядом, это услышал. Однако возмущаться не стал, поскольку и сам подумал то же самое.

Васюта собрался заглушить двигатель, но двуетидный его остановил:

– Один раз повезло, больше не надо судьбу испытывать – вдруг потом не заведемся? Да и Зан пусть заряжается. На холостом ходу расход горючки не такой уж большой, а до Канталахти не так уж много осталось. Где мы сейчас, кстати, хотя бы примерно? А то мне из кузова не особо хорошо было видно, где едем.

– Я могу и не примерно сказать, – гордо вскинул голову Васюта. – Я по этой трассе раньше столько раз ездил, что... – Тут он перехватил недоуменные взгляды Подухи и Олюшки, понял, что едва не проговорился, и стал выкручиваться: – Мысленно, ясен пень, ездил! У бати со старых времен карта Кольского полуострова осталась, вот я в детстве, да и в юности тоже, все ее изучал, представлял, как везде по нему ежжу. Короче, мы уже Пиренгу¹¹ и обе Салмы – Широкую и Узкую¹² – проехали и как раз бы миновали Полярные Зори¹³, если бы...

Наверняка он собирался ляпнуть что-нибудь вроде «если бы были в нашем мире», но Ломон успел его перебить, натужно засмеявшись:

– Какие еще зори? Ты, конечно, поэт, все знают, но сейчас не до поэзии, веришь? И я теперь понял, где мы находимся. В той стороне, откуда прибежал Медок, верстах в пятнадцати отсюда есть небольшое озеро Пасма...

Медок поднял уши и утвердительно гавкнул.

– Ага! – обрадовался двуетидный. – Ты пробегал мимо озера?

– Гав!

– Дирижаблю упал далеко от него?

– Гав-гав!

– Отлично, – потер Ломон ладони. – Вот мы главное и выяснили. Пятнадцать верст мы на вездеходе даже по бездорожью за час-полтора осилим. Столько же назад, плюс там... ну, скажем, час, берем с запасом. Нормально. До обеда должны в Канталахти приехать.

¹¹ Пиренга – река в Мурманской области, впадает в озеро Имандра.

¹² Широкая Салма, Узкая Салма – проливы озера Имандра.

¹³ Полярные Зори – город в Мурманской области нашей реальности, в реальности Помутнения его нет.

– Не знаю, ждет ли нас какой-нибудь обед в Канталахти, – проворчала Олюшка, – но я бы уже что-нибудь схарчила прямо сейчас, одной болтовней сыт не будешь.

– Ну так раз все порешали, давайте и приступим, – не стал спорить двуетидный сталкер.

* * *

Костер решили не разводить, чтобы не тратить на это драгоценное время, – тушенка на голодный желудок хорошо идет и холодной, а без горячего чая можно было обойтись; да и погода стояла безветренная и теплая, так что и греться не было необходимости. Но импровизированный ужин устроили все-таки не в вездеходе, а на свежем воздухе – и светлее, и вольготнее.

Ломон и Подуха ели молча – молодой трубник просто наслаждался пищей, а двуетидный все не мог решить для себя, не совершил ли ошибку, не поехав к месту падения дирижабля сразу, – вдруг там все-таки остались живые, которым из-за этой задержки суждено умереть? Но внутреннее чутье, которому привыкли доверять и Лом, и Капон, говорило сталкеру, что он поступает правильно – уставшие и голодные люди рискуют сами если не погибнуть, то серьезно пострадать, учитывая сюрпризы Помутнения, да и просто подстерегающие в лесу опасности. А летуны вряд ли живы – умный Медок сумел бы понять, если бы кто-то из них подавал признаки жизни. Да, пес явно сомневался, но это скорее всего лишь из-за его доброго сердца – ему просто хотелось надеяться, что в ком-то еще теплилась незаметная даже для него жизнь. Впрочем, если даже это было и так, прошедшие после катастрофы несколько часов не оставили никому шансов.

Удивительно, но нашли общий язык Васюта и Олюшка! Еще совсем недавно осица собиралась свернуть «пузану» шею, а сейчас уже возмущалась его, мягко говоря, прохладному отношению к чтению и определенно взялась за воспитание непутевого водителя вездехода. Стала перечислять названия книг, которые, по ее мнению, Васюте нужно было прочесть чуть ли не прямо сейчас, но поскольку в наличии этих «обязательных произведений» все равно не имелось, принялась пересказывать их краткое содержание, а потом оборвала сама себя:

– Неужели ты и правда ничего из этого не читал?!

– Ну-у, – протянул Васюта, изо всех сил пытаясь не попасть впросак, – может, что-то и читал, да забыл...

– Но уж Марию Мошкину ты ведь не мог не читать! – воскликнула Олюшка.

– Ясен пень, не мог, – закивал ее побледневший от напряжения собеседник. – Но... не читал. Или читал, но забыл. То есть не читал и забыл... В смысле не то чтобы совсем забыл, но...

– За это нужно расстреливать! – всплеснула руками осица. – Это позор! Ты что, не знаешь, что Мария Мошкина родилась в Мончетундровске? Как ее можно после этого не читать?! Как ее можно забыть?! Да, это было давно, еще до Помутнения. Да, она потом переехала – вроде как в Африканду¹⁴, точно уже никто не скажет. Но ведь нельзя было не прочитать хотя бы ее знаменитейший роман «Не забудь порезать грибы»!

– Кстати, да, – подал вдруг голос Подуха. – Надо будет грибов набрать, в следующий раз пожарим.

– Пожарим?! – возмущенно воззрилась на трубника Олюшка. – В этом романе грибы разумные! А еще там про искусственный интеллект, выдававший себя за Пушкина, и про говорящего черного кота, и... В общем, это шедевр! – восторженно замотала она головой. – Правда, Мария Мошкина создала его не одна, а совместно с Еленой Петровой, но это никак не умаляет ее таланта.

¹⁴ Африканда – поселок в Мурманской области, существующий в обеих реальностях.

– Петрова тоже из Мончетундровска? – сделал заинтересованный вид Васюта.

– Я с тебя охреневаю, – развела руками осица. – Она из Воронежа!

– Я Воронеж только из окна поезда видел, когда на юг с родителями ездил...

– Вот ни фига не смешно, – напустилась Олюшка, но тут ее лицо вновь озарилось: – Я читала в подшивке литературных журналов, что эти писательницы даже собирались взять псевдоним: Марена Петрошкина, но почему-то передумали. А еще какой-то недобитый умник поместил там статью, что женщины так виртуозно писать не могут, что на самом деле «Грибы» и все остальное написали под женскими псевдонимами два мужика, даже их имена привел: Михаил и Олег.

– Так, может, они вчетвером писали? – предположил и впрямь уже заинтригованный Васюта.

– Ага! – фыркнула осица. – Один начал, другой продолжил, и так по кругу. А еще прикинь, – хохотнула она, – если при этом никто не знает, что именно задумал первый! Представляешь, какая бы каша получилась?

– Может, и вкусная. Никто же не пробовал. Кстати... нас ведь как раз четверо...

– Сейчас будет трое, – буркнул прислушавшийся к литературной беседе Ломон. – Только не говори, что у тебя есть по этому поводу стих.

– Вообще-то как раз есть...

Мама читала до одури книжки,
Папа от скуки затеял интрижку.
Это в семье не прошло без потерь —
Мама на зоне читает теперь.

– Красиво, – внезапно похвалила Олюшка. – Почти про меня.

– Но это в другом смысле зона, – на всякий случай пояснил Васюта. – Не Зона Севера. Хотя не исключено, что тоже северная.

Глава 6

Спать все пятеро, включая Медка, легли в пассажирском отсеке: пес возле входной дверцы, с явным намерением ее охранять, мужчины на полу отсека, а девушке уступили свободную лавку – вторую по-прежнему занимал заряжающийся от генератора вездеход Зан. По крайней мере Ломон очень сильно надеялся, что кибер получит нужное количество энергии. И в первую очередь потому надеялся, что только сейчас осознал, как ошибся с расчетами. Да, до упавшего дирижабля было примерно пятнадцать верст, и вездеход, даже с учетом лесного бездорожья, может преодолеть их за час-полтора. Пусть даже за два, чтобы давать отдых Медку, который побежит впереди. Но в том-то и дело, что пускать вперед одного лишь Медка Ломон не хотел, это было слишком опасно для пса – кто знает, сколько впереди поджидает аномалий-оказий. И то, что Медок добрался к ним без происшествий, еще не гарантия того, что проблемы не наверстают упущенного. Поэтому псу нужно лишь указывать путь, а впереди должен идти опытный сталкер, который знаком с коварными сюрпризами Зоны Севера и сможет их заранее выявить. Вероятно, не все сюрпризы, потому что по-настоящему опытным сталкером среди них была разве что Олюшка, однако шанс для вездехода не попасть в ловушку при этом значительно повысится. Но просить Олюшку идти впереди – это по меньшей мере некрасиво, даже позорно, да и не факт, что она согласится на это.

А вот Зана и уговаривать бы не пришлось, да и справился бы он с этой проблемой, пожалуй, лучше любого из них, поскольку имел – кроме глаз, куда более зорких, чем у людей, и рук, чтобы бросать перед собой камешки, – еще и всевозможные датчики, позволяющие заметить то, что люди без специальных приборов никак сделать не могут. Немаловажным было и то, что Зан мог двигаться очень быстро, ничуть не медленнее вездехода, а потому в отведенные полтора часа они бы точно уложились.

Но если Зан не очнется, тогда... Двуетидный негромко вздохнул, потому что все уже решил: в этом случае впереди пойдет он. Будет держать наготове «Никель» и бросать перед собой веточки и камешки. Или, что будет, наверное, лучше, по примеру трубников станет ощупывать путь впереди длинным прутком – березовым, ольховым, ивовым, без разницы. Так не придется тратить время на то, чтобы собирать камешки и обламывать веточки, – оно, это время, и без того удлинится часов до четырех, а то и до пяти, потому что бежать и даже просто идти быстро по лесу он не сможет.

* * *

В итоге Ломон все же заснул, и ему приснилось, будто он несется по лесу верхом на Медке, держа перед собой длинную ивовую «удочку». И думает при этом: «Какой я все-таки находчивый! Так ведь и быстро получается, и ноги стаптывать не нужно». Но почему-то о том, что верному мохнатому другу при этом приходится не только стаптывать лапы, но и центнер, считай, если с одеждой да оружием, на себе тащить, ему в том сне в голову не приходит. Хорошо, что Медок пес не стеснительный, без комплексов, а потому сам ему негромко говорит:

– Ломон!.. Эй, Ломон! Хватит уже, я отключаюсь.

– Нет-нет, что ты! – начинает наконец доходить до сталкера, что он замучил четвероногого друга. – Да, уже хватит, я слезаю! Ты только не отключайся! Я дальше сам тебя понесу, веришь?

– Ты не сможешь меня понести, я слишком тяжелый, почти девять пудов¹⁵.

¹⁵ Пуд – дореволюционная единица измерения массы в России, равная 16,38 кг.

- Ты не вешишь столько, мой хороший. В тебе пуда три – три с половиной...
- Спасибо, что считаешь меня хорошим, – произнес Медок странным, почти безэмоциональным голосом, – но ты ошибаешься насчет моего веса. По прибытии в Канталахти произведем контрольное взвешивание, и ты убедишься, что прав я.
- Какой ты все-таки зануда... – начал было Ломон, но тут же все понял и окончательно проснулся.
- Перед ним на лавке сидел Зан, отключавший от себя зарядные провода.
- Ты в порядке? – с нескрываемой радостью, хоть и негромко, чтобы не разбудить остальных, спросил двуетидный сталкер.
- Работоспособность моего организма составляет на данный момент девяносто шесть и одну десятую процента. При допустимом уровне в девяносто пять.
- Это просто замечательно!
- Я бы так не сказал. Я бы предпочел значение, более близкое к ста. Хотя бы девяносто восемь.
- Ты все-таки остался самим собой, – с облегчением выдохнул Ломон.
- Кибернетическим человекообразным устройством с искусственным интеллектом?
- Занудой.
- Возможно, мои дотошность и пунктуальность могут показаться с твоей точки зрения занудством, – судя по изменившемуся тону, слегка обиделся кибер, хотя мог бы уже и привыкнуть, – но отнесешь ли ты к этому мой вопрос: что здесь делает участница группировки «ОСА» с позывным Олюшка и где прячутся две другие – в багажном отсеке?
- Ты превзошел сам себя, веришь? – усмехнулся двуетидный. – Ты задал в одном предложении сразу три вопроса.
- Задам и еще один, не менее важный: где вы нашли собаку? И попутно с этим еще один: где дирижабль?.. Мой счетчик пройденного расстояния говорит о том, что мы еще не доехали до Канталахти.
- Не доехали. Но давай-ка дадим еще немного поспать остальным и выйдем из вездехода, чтобы им не мешать. Там я тебе все и расскажу.

* * *

Ломон с Заном выбрались наружу, и сталкер рассказал киберу все, что с ними случилось, пока тот был в отключке. Разумеется, вышел с ними и Медок, который тоже внимал рассказу друга.

Молча выслушав все, Зан высветил перед собой голографическую карту Кольского полуострова и приблизил участок, в который ткнул пальцем:

– Мы здесь.

На этом месте карты, где как раз была прочерчена светлая полоска дороги, загорелась красная точка и всплыли символы: «67°34” с.ш. 32°39” в.д.».

– Это координаты... – начал объяснять Зан, но Ломон прервал его:

– Уж это я и без тебя знаю. Наши координаты с привязкой к северной широте и восточной долготе. Знать бы еще координаты упавшего дирижабля...

– Но ведь ты сказал, что их знает Медок, – сказал кибер. – Пусть не точные цифры, которые вряд ли ему известны, но ведь ты можешь расспросить у него, что там поблизости, как выглядит местность.

– Поблизости там озеро Пасма, – помрачнел Ломон. – Остальные подробности выяснить не удалось. Видишь ли, железный друг мой...

– Я не железный! – уже привычно возмутился Зан.

– Видишь ли, нежелезный друг мой, когда из двух человек я стал двуетидным, то способности Лома, как бы это помягче сказать... слегка приугасли, растворились в сдвоенном сознании, что ли... Веришь?

– Да. Думаю даже, что это логично.

– Вот только благодаря этой долбаной логике я не могу теперь «слышать», что мне говорит Медок. Вертится в голове лишь какая-то карусель, от которой тошнить начинает... Поэтому приходится довольствоваться тем, что Медок гавкает в ответ на наши вопросы: один раз – это «да», два раза – «нет», трижды – «не знаю». Но таким манером выпрашивать о том, как выглядит местность, – это полдня уйдет.

– Медок, – повернулся к псу кибер. – А какие звуки ты еще можешь издавать? Я имею в виду – через пасть.

– А через что еще? – удивился было двуетидный сталкер, но тут же смутился: – А, ну да... – И спросил у Зана: – А зачем тебе? Хочешь расширить собачье-человечий словарь?

– Именно.

– Ладно, – пожал плечами Ломон. – Давай, Медок, продемонстрируй свои возможности. Только не слишком громко, чтобы не разбудить наших попутчиков. Хотя негромко лаять – это уже, наверное, этот, как его...

– Оксюморон, – подсказал Зан.

И Медок начал издавать звуки. Он лаял, тьякал, скулил, подвывал – всего не перечесать. Говоря откровенно, двуетидный не всегда отличал один звук от другого, и когда мохнатый друг замолчал, махнул рукой:

– Бесплезно! Мне будет не разобрать, что он говорит, да и не запомнить все. Он звуков пятьдесят издал.

– Сто восемьдесят шесть, – сказал кибер. – И тебе не обязательно все запоминать, достаточно, что это запомню я.

– А сам-то Медок запомнит?

Дверь вездехода открылась, и оттуда высунулась растрепанная Олюшкина голова.

– Ломон, ты зачем собаку мучаешь? – угрюмо спросила она. – Не ожидала от тебя такого... А! Железное чучело очухалось! Так это оно над животным издевается? Его что, пережкнуло?

– Я не железный, – тут же парировал Зан. – И мы никого не мучаем, а проводим лингвистические изыскания. Кстати, я привык, чтобы ко мне применяли мужской род, а не средний, а слово «чучело» и вовсе считаю неприменимым по отношению к себе.

– Ломон, что он несет? – посмотрела осица на сталкера.

– Хочет научиться понимать Медка, – сказал двуетидный. – И давай правда обойдемся без оскорблений, хорошо? Разбуди лучше остальных – перекусим да в путь тронемся.

– После такого собачьего концерта никого уже будить не надо, – хмыкнула Олюшка. – Только они вылезать теперь боятся.

– Ничего мы не боимся, – послышался из вездехода голос Подухи. – Просто непонятно было спросонья, что случилось. Думал, на нас утырки напали.

* * *

Позавтракали опять тушенкой и сухарями. Костер и в этот раз разводиться не стали – жалко было тратить время, – вполне обошлись и холодной водой.

Медок, схарчив по-быстрому полбанки мяса, отошел вместе с кибером в сторонку, и теперь лай, вой и поскуливание создавали трапезе весьма специфический звуковой фон, что, впрочем, не отразилось ни на чем аппетите.

Но урок продолжал длиться, и когда завтрак закончился, Ломон уже начал нервничать и хотел окрикнуть пса и кибера, когда те наконец подошли сами.

– Помимо «да», «нет» и «не знаю», – отчитался Зан, – я могу отождествить с русскими словами еще сто восемьдесят пять производимых Медком звуков.

– Ты вроде до этого говорил: сто восемьдесят шесть? – переспросил двуетидный.

– Один из звуков на русский непереводим.

– А на какой переводим?

– Это наш с ним специальный сигнальный звук.

– Ого, у вас уже появились какие-то тайны! – вроде бы шутя, но не без ревнивой нотки отметил Ломон. – Ну а сам-то Медок запомнил все эти значения?

Медок что-то прогавкал.

– Он говорит, что запомнил, – перевел кибер.

– погоди, – спросил Васюта, – а чему ты его вообще научил? Откуда ты знаешь, что именно эти слова пригодятся?

– Сто пятьдесят из них, – ответил Зан, – это наиболее часто употребляемые русские слова, за исключением обценной лексики, я посчитал неразумным тратить на нее и без того небольшой лексический запас...

– Ну вот, – буркнула Олюшка, – теперь Медку и не матюгнуться. – непонятно было, сострила она или нет.

Зато Васюта пошутил безо всяких сомнений, да еще и привычно поэтически:

Папа ругался плохими словами,
Это чертовски не нравилось маме.
Шарик к изыскам таким не привык —
Он отварной нынче кушал язык.

– Ну а еще тридцать пять слов куда делись? – отмахнувшись от назойливого поэта, спросил у Зана Ломон.

– Это специфические для текущей ситуации понятия, – пояснил кибер. – Такие как «оказия», «тварь», «гостинец», «винтовка», «патроны», «дирижабль», «гондола», «труп»...

– Можешь не продолжать, – остановил его Ломон, – я понял. Ну а теперь скажи: Медок рассказал тебе, где дирижабль?

– Пока нет, но ведь где расположено озеро Пасма, я знаю, а там уже он пояснит, куда идти дальше.

– То есть Медку не нужно бежать впереди вездехода? – уточнил двуетидный.

– Нет, впереди пойду я. Буду проверять безопасность пути с помощью моих датчиков, а также воспользуюсь длинным прутком, как это делал трубник Мамонт на фабрике, мне этот способ показался более эффективным, чем бросание камешков, поскольку он...

– Не продолжай, – вновь прервал кибера сталкер. – Я недавно как раз думал об этом же. Веришь?

– Да. Не вижу смысла, зачем бы тебе в этом врать. А теперь предлагаю вам рассестся по местам и тронуться в путь. Я побегу впереди, выбирая наиболее удобный маршрут. И проверяя его на предмет безопасности, конечно же.

– погоди, Зан, – сказал двуетидный. – Поскольку теперь ты можешь понимать Медка куда лучше, чем мы, я бы все-таки хотел кое-что уточнить, прежде чем ехать к дирижаблю. – Он повернулся к псу и, глядя в умные, цвета гречишного меда глаза, спросил следующее: – Ты передал летунам записку? Как они на это отреагировали? Почему упал дирижабль?

Медок начал скулить, лаять и повизгивать, а когда замолчал, кибер перевел эти звуки:

– Канталахтинцы прочитали записку. Сначала ругались, говорили плохие слова про мончетундровцев. Не хотели связываться с ними по рации. Потом общались по рации с кем-то. Медок не слышал ответов, потому что звук поступал летунам в уши через черные маленькие нашлапки на ушах...

– Скорее всего они связались со своими в Канталахти, – кивнул Ломон. – И слушали их через наушники.

– В лексиконе Медка нет этого слова, – глянул на него Зан. – Но да, я тоже понял, что это наушники. И Медок добавил, что после этого канталахтинцы сказали друг другу: «Будем говорить». Они стали крутить штучки на рации, а потом дирижабль стал тяжелым и упал.

– Стал тяжелым?.. – уставился на пса двуетидный. – Значит, он попал в гравитационную аномалию! В очень сильную гравитационную аномалию, если она подействовала даже на сотни метров вверх.

– Не думаю, – сказал Зан. – Тогда бы раздавило и Медка.

– Значит, она действует только на неживое. В таком случае на вездеходе к обломкам дирижабля не приближаемся, выйдем из него заранее.

– В таком случае к ним нельзя приближаться и мне, – резюмировал кибер. – И прут мне тоже не поможет. Поэтому после озера я все-таки буду кидать перед собой камни.

Глава 7

Сначала ехали без происшествий. Трясло, конечно, ужасно, зато теперь обе лавки были свободны, Подуха снова перебрался в кабину, так что Ломон и Олюшка сидели напротив друг друга, вцепившись руками в края сидений и расставив для устойчивости ноги. Со стороны могло показаться, что они приготовились к схватке, но смотреть на них было некому – Медок также находился в кабине, чтобы контролировать верность маршрута, – да и поводов для драки не было тоже.

– Ты что, полностью доверяешь этому чучелу? – прервала молчание осица. – Пустил его вперед, а он заведет нас в болото и утопит.

– Его зовут Зан, а не Сусан, – буркнул сталкер, но потом все же сменил тон: – До сих пор он нас не подводил, зачем бы ему это делать теперь? И потом, разве у нас был выбор?

– Впереди мог пойти ты с собакой. Ну или я, если сам трусишь.

– Дело не в трусости. Но ты ведь понимаешь, что так мы бы потратили слишком много времени... И еще – управляет-то вездеходом не Зан, а Васюта. Да еще и Подуха с Медком рядом сидят. В три-то глаза они всякое болото перед собой разглядывают, веришь?

– А чего они все прищурились?

– В каком смысле?..

– Ты сказал «в три глаза». Но так-то у них шесть глаз как бы.

– А!.. Ну да. Тогда тем более.

И вот тут вездеход резко затормозил. Ломон с Олюшкой все-таки не смогли удержаться на лавках и рухнули на пол. Причем двуетидный упал на осицу, да еще случайно прижался рукой к ее груди.

– Только попробуй! – зашипела Олюшка.

– Я-то тут при чем?! – быстро вскочил на ноги сталкер. – Не собираюсь я ничего у тебя пробовать!

– Тоже обидно, – усмехнулась осица.

– Прекращай, не до этого, – поморщился Ломон. – Надо выяснить, что случилось.

Он попытался что-нибудь разглядеть в маленькое боковое окошко, но там были видны только кусты и деревья. Тогда он подошел к разделяющей пассажирский и водительский отсеки перегородке и открыл окошко в ней:

– Почему встали?

– Зан остановился, – ответил Васюта. – И руку поднял.

– Ну и?..

– Ну и все. Поднял руку и стоит.

– Ладно, ждем. Видимо, он что-то уловил своими датчиками, анализирует...

* * *

Прошло уже минут пять, а кибер все еще анализировал. Причем, по словам Васюты, он даже не сменил позы – так и замер с поднятой рукой.

– Что-то тут не то, – проворчал Ломон. – Ладно, вы пока сидите, а я схожу к нему, узнаю, в чем дело.

Медок призывно тьякнул и вопросительно заскулил.

– Нет, дружище, – помогал головой двуетидный, – ты тоже сиди. Тут и камешки покидать не помешает, а то и стрелять, может, придется...

– Но зверя-то собака быстрее, чем ты, учует, – резонно заметила Олюшка.

– Зверя бы заметил и Зан, он в инфракрасном диапазоне видит.

– Вот, наверное, и увидел. А зверь затаился, потому и чучело не шевелится, выжидает.

– Если это зверь, то у меня на него имеется «Никель», – перебросил Ломон на грудь автомат. – Но мне кажется, дело тут в другом. Короче, хватит спорить! Сидите и ждите. А я пошел. – И он вылез из вездехода.

Для начала он крикнул:

– Эй, Зан, ты чего застыл?

Ответа ожидаемо не последовало. Мало того, кибер даже не шелохнулся, будто и правда застыл. Частью памяти Капона двуетидный невольно вспомнил заржавевшего Железного Дровосека из детской книжки, который простоял в одной позе вроде как даже несколько лет. Но Ломон не собирался позволить своему «Дровосеку» так долго бездельничать, а потому немедленно приступил к действиям по его спасению. Правда, нужно было сначала побеспокоиться о том, чтобы не пришлось спасти и его самого. Или даже хоронить, если, конечно, останется что. Впрочем, похоронные мысли он тут же выбросил из головы и взялся за дело.

Первым делом нужно было набрать камешков. Однако их еще пришлось поискать – а точнее, повыкапывать из-под мха. Наполнив ими карманы, сталкер срезал и ольховый прут, так что, приблизившись к Зану саженой на десять, стал не только водить перед собой прутом, но и через каждые пару шагов останавливаться и бросать вперед камешки. Что удивительно, и прут, и камни вели себя совершенно обычно даже и когда Ломон подошел к Зану вплотную. Он снова тщательно ощупал все перед собой прутом – ничего подозрительного. Бросил несколько камешков – почти прямо под ноги, на полсажени дальше, еще на сажень дальше, чуть левее, правее – ничего. Камни падали так, как и положено падать камням при земном тяготении.

– Что с тобой? – все же осмелившись наклониться вперед, заглянул двуетидный в лицо Зана.

Тот продолжал стоять неподвижно и молча – даже глаз не скосил в сторону сталкера. Создавалось впечатление, что кибер снова выключен. И стоило так подумать, как в голову пришла логичная мысль: Зан плохо зарядил свои аккумуляторы, не хватило, видать, мощности генератора. Но с другой стороны, кибер ведь продиагностировал себя после пробуждения и оценил свою работоспособность в девяносто шесть и одну десятую процента...

Тут Ломон подумал, что хоть ломовские способности в нем и поугасли, но все же не потухли совсем. Уж находясь вплотную к разумному существу, он всяко мог хоть как-то уловить его мыслительную энергию. А он ее не... Хотя стоп!.. Двуетидный напрягся, сосредоточился – и все-таки почувствовал исходящий от Зана мыслительный поток. Едва уловимый, но все же бесспорный. И скорее всего он не был слабым сам по себе – просто Ломон не обладал чувствительностью Лома. Но самое главное – Зан мыслил, а значит, он не выключился. «Я мыслю, следовательно, я существую...» Кто так говорил? Декарт? Неважно. Сейчас было куда важнее понять, почему в таком случае не шевелился кибер. Не заржавел же он и в самом деле – сам же все время твердил, что он не железный! И вообще нужно сначала вытянуть из этой ловушки Зана, а уже потом разбираться.

Двуетидный встал позади кибера, обхватил его за талию и потянул на себя. С таким же успехом он мог бы пытаться сдвинуть с места бетонный столб – Зан будто врос в землю. Это делало ситуацию еще более странной. Ломон принялся анализировать. Для начала он решил считать, что какая-то аномалия-оказия на Зана все-таки действует, другой причины попросту не находилось. Но в чем была фишка этой оказии? Сталкер вновь поводил перед собой прутом – на органику аномалия не реагировала. Бросил поочередно перед собой два оставшихся камня – неорганические вещества также не представляли для оказии интереса. Но ведь Зан как раз и был неорганическим – почему же он застрял? Разве что... потому что был разумным? То

есть получается, что дальше не было пути ничему – точнее, никому разумному? И как далеко тянется эта «изгородь»? Удастся ли ее обойти?..

Впрочем, в любом случае сначала нужно было спасти Зана. Да и как определить, в разумности ли тут дело? Разве что самому попробовать сделать еще один шаг вперед... Но нет, тогда застрянет и он, и неизвестно даже, вытащат ли его из западни даже с помощью вездехода.

Внезапно он услышал за спиной вопросительный лай. Обернулся – сзади стоял Медок, будто спрашивая взглядом: «В чем дело? Почему так долго?»

– Вот зря ты сюда пришел, – проворчал Ломон. – Я же просил сидеть в вездеходе. Да, понимаю, ты теперь разумный и сам за себя можешь решать, но напрасно-то зачем рисковать? Тут вообще непонятно, в чем дело, веришь? А его даже с места не сдвинуть! – попытался толкнуть он Зана.

Дальнейшее произошло так быстро, что двуетидный не успел среагировать. Медок вдруг метнулся к киберу – и... выскочил на сажень вперед, заглядывая тому в лицо.

– Стой! – завопил сталкер, безотчетно рванувшись за псом.

До него дошло, что он только что сделал, лишь когда встал рядом с Медком. И мгновенно напрягся, ожидая окаменения. Но прошла секунда, другая, но ничего не происходило. Вновь вопросительно гавкнул мохнатый друг: ты чего, мол?

– Да хрен его знает, товарищ майор... – пробормотал Ломон знакомую некогда Капону присказку. А потом тряхнул головой и сказал: – Значит, дело не в разуме. Веришь?

Медок гавкнул один раз.

– Или в разуме только этого чучела, – подошла к ним Олюшка, которую озадаченный ситуацией сталкер заметил только теперь.

– Не зови его так! – нахмурился двуетидный. – Он все слышит.

– Ну и пусть слышит. Или думаешь, обидится и перегорит?

– Не перегорит, но все равно...

И тут кибер – все так же с поднятой рукой – повалился на спину. Ломон метнулся к нему, присел и вновь вскочил на ноги, не чувствуя больше и намека на ментальную энергию.

– Похоже, он все-таки перегорел... – выдавил он, недоуменно моргая. И уставился на осицу: – Дообзывалась?..

– Слушай, а прикольно получилось! – воскликнула та. – Может, у меня такая суперсила открылась? Я читала в одной книге, что...

– А тебе «Правила хорошего тона» никогда не попадались? – сверкнул на нее взглядом Ломон. – Между прочим, Зан – разумное существо, а тебе прикольно.

– Ну, теперь-то не разумное, раз его оказия выпустила, – стала серьезной Олюшка. – И пока он снова не стал разумным, надо его отсюда оттащить хотя бы, нет?

Двуетидный мысленно себя обругал: в самом-то деле, чего он раньше времени паникует? Ведь Зан и раньше выключал при необходимости на время свои логические блоки. Вдруг и сейчас, оценив ситуацию, он сделал то же самое? И тогда его нужно оттащить подальше от границы аномалии. И ведь девчонка оказалась сообразительнее его!

– Давай, – буркнул он, вновь нагибаясь к Зану, – я за одну ногу, ты за другую – и потащили.

Олюшка спорить не стала, хоть и весьма ехидно усмехнулась, и они переместили тело кибера на пару сажень, а потом Ломон махнул рукой Васюте: давай, мол, сюда.

* * *

Стоило вездеходу подъехать к ним, как Зан шевельнулся, а потом как ни в чем не бывало встал на ноги.

– Я не чучело, – сказал он осице. – Мне и правда обидно. И если ты продолжишь меня так называть, я стану звать тебя Ольгой Дмитриевной.

– Я вот тебе!.. – навела на него «Печенгу» Олюшка.

– Все! Хватит! – прикрикнул на них Ломон. – Развели тут детский сад! Отдавай мои игрушки и не писай в мой горшок...

– Я не брал твои игрушки, – посмотрел на него Зан, – и уж тем более не...

– Я даже допускаю, что и она «не»! – мотнув головой на осицу, рявкнул двуетидный. – Веришь?! Ты лучше объясни, что с тобой случилось? Или у тебя правда что-то перегорело?

– Не перегорело. Но я и впрямь, когда попал в эту оказию, хоть и потерял способность двигаться, продолжал воспринимать окружающую среду с помощью датчиков, в том числе и звуковых. А потому, выслушав ваши версии, я пришел к выводу, что Ольга... что Олюшка может быть права – и все дело исключительно в моем разуме. Поэтому я, выставив на десять минут таймер, отключил логические блоки. Дальнейшее тебе известно.

– Но тогда что получается? – недоуменно развел руками Ломон. – Эта оказия стопорит только... искусственный разум?..

– Получается, так, – сказал Зан.

– Нелогично как-то... Зачем это оказии?

– А ты что, думаешь, что они действуют по какой-то логике? – скривила губы в улыбке осица. – Это же Помутнение! Какая в нем логика?

– Но оно же для чего-то возникло. Просто нам эта логика недоступна.

– Оно возникло не для чего-то, а из-за чего-то, – вмешался в разговор внимательно слушавший их Васюта. – Я думаю, потому, что тогда у нас бомбу взорвали...

– Молчать!!! – взвился двуетидный, лихорадочно начиная обдумывать, как теперь выкручиваться перед местными.

Но Олюшка, как, вероятно, и угрюмо притихший Подуха, поняла это, к счастью, по своему.

– Ну да, – сказала она, осуждающе взглянув на Ломона. – Многие на эти радиоактивные бомбы грешат. Но вот тогда и выходит, что Помутнение – это никакая не логика, а случайный хаос. И зачем было так орать на парня?

«Ого, она его уже защищает! – подумал двуетидный. – Глядишь, скоро и не только словами начнет...»

– Да пусть проорется, – улыбнулся Васюта. – Стресс лучше так снимать, чем в себе копить. Вот как в стишке одном:

Бабушку мама все время гнобила,
Бабушка злость очень долго копила.
И разорвало тем паром котел —
Папа от мамы лишь пальчик нашел.

– А почему от мамы? – спросил вдруг кибер. – Ведь разорвало, как я понимаю, бабушку?

– Ясен пень. Но ведь гнобила-то ее мама, – пояснил Васюта. – А это сложно делать на расстоянии. Вот она рядом с ней и стояла, когда бабушка, так сказать, бабахнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.